

ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

ДЕТИ АЛЛАХА

Дмитрий Казаков

Дети Аллаха

«Автор»

2022

Казаков Д. Л.

Дети Аллаха / Д. Л. Казаков — «Автор», 2022

Совершенно реалистический роман, психологическая проза. Время действия – наши дни. Место действия – Ближний Восток, Европа. Герои – двое братьев-подростков из семьи арабов-христиан, они остаются без родителей и вынуждены выбирать между мезтью и религией предков...

© Казаков Д. Л., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть 1. Аш-Шам ат-Тарихий	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	41
Глава 11	45
Глава 12	48
Глава 13	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дмитрий Казаков Дети Аллаха

© Дмитрий Казаков

* * *

*The good die young
There might be no tomorrow
In god we trust
Through all this pain and sorrow*
Rudolf Schenker, Christian Kolonovits "Scorpions"

Часть 1. Аш-Шам ат-Тарихий

Глава 1

Темнота, боль, далекие голоса, похожие на ангельское пение.

Самир ощутил, что поднимается, взлетает. Нечто соскользнуло с ног, его мотнуло. Он закашлялся, по лицу потекла холодная вода, и по глазам ударил яркий белый свет. Попытался заслониться, но рука не послушалась.

– Тихо-тихо, дорогой, клянусь своими усами, – сказал в ухо голос совсем не ангельский, хриплый и густой, как мед.

Самир обнаружил, что сидит на земле, его придерживает за плечи сосед, сапожник Бутрос, от того тянет дешевыми сигаретами, а мир вокруг кружится, трясется и качается... Он только что сидел на диване. Едва включил телевизор, когда услышал рев в небесах и гул разрывов.

Брат как раз вошел в комнату, мама и сестра остались на кухне... Где они?

Пронзивший Самира ужас оказался сильнее любой боли. Он дернулся, пытаясь вскочить, освободиться из хватки Бутроса, но тот лишь усилил нажим и повторил, дыша табаком:

– Тихо. Сиди, не дергайся.

Круглолицый мужчина в белом халате присел на корточки перед Самиром, принялся ощупывать тому ноги, затем пробежал пальцами по плечам, заставил согнуть руки в локтях, сжать кулаки.

– Порядок, – сказал он. – Ушибы и ссадины, но кости целы.

– Где... они? – выдавил Самир через спекшиеся, разбитые губы.

Болело все, но ему было наплевать. Он хотел увидеть маму, младшего брата, сестру, убедиться, что с ними все в порядке, избавиться от страха, рвущего внутренности подобно громадной пиле из ледяного металла...

Мужчина в белом халате посмотрел с сочувствием, а сапожник Бутрос тяжело вздохнул и сказал:

– Ты, мальчик...

Но тут послышался знакомый голос, и Самир вновь едва не подпрыгнул: Ильяс!

– Брат! Брат! – воскликнул тот, и через мгновение оказался рядом, уткнулся лицом в плечо и заплакал, содрогаясь всем телом, обхватив Самира и прижавшись тесно-тесно.

Ребра отозвались вспышкой боли, зато шум в голове утих, а мир перестал качаться. Словно в младшем брате Самир обрел некую опору и, держась за нее, смог оглядеться, преодолел сопротивление избитого тела.

Вот желтый забор, за которым прячется школа-мектеб, и в нем пролом, его раньше не было. Дом сапожника Бутроса, покосившийся, ободранный, с выбитыми окнами, а дальше... дальше... там, где должно стоять их жилище, маленькое, но уютное... дальше...

Самир решил – у него что-то произошло с глазами, и закрыл их, но тут же снова открыл. Потряс головой, поднял руку – и та на этот раз послушалась – вытер лицо от грязи, пота и крови.

Груда развалин, угол из двух огрызков стены, и воронка, черный провал.

Сердце Самира словно рухнуло в этот провал, кануло во тьму и холод, которые приносят в их город, в их страну военные самолеты, летящие с запада, со стороны далекого моря. Накатило желание заплакать, так же, как Ильяс, в полный голос, не сдерживаясь, но он вспомнил, что он старший мужчина в семье, что он не может вести себя как ребенок.

Поэтому он только сморгнул, давя злые, едкие слезы, и спросил, обращаясь на этот раз прямо к Бутросу:

– Где они?

Сапожник отвел глаза, огладил наполовину седую бороду и сказал, подняв руку:

– Там.

Осторожно, стараясь не потревожить Ильяса, Самир повернул голову и приподнялся: закрытые тканью вытянутые предметы, бывшие недавно людьми, из-под материи торчат ноги, одна пара, вторая.

– Может быть, не стоит им... – начал круглолицый в белом халате, но Самир увидел цветастые носки с покемонами, их сегодня надела сестра, они ведь ее любимые... были.

Теперь он знал, что случилось с матерью и сестрой, и страх ушел, его сменило нечто худшее – колоссальная, размером с город пустота, неведомым образом поместившаяся внутри, и пылающее на самом ее дне пламя ненависти. К тем, кто убил. Превратил живых людей в изуродованные куски мяса, а дом – в руины, в ничто, пустое место.

Самир задрал голову, уставился в небо, откуда пришла смерть.

– Почему они летят к нам?! – крик ударил по ушам, словно кнут по обнаженной спине, и он не узнал голоса, подумал лишь, что тот смутно знаком – одна из соседок. – Проклятые убийцы! Что мы им сделали?! Почему они бросают на нас свои бомбы?! Провалитесь в ад!

Крик превратился в сдавленные рыдания, послышался мужской, утешающий голос.

– Ну, мальчики в порядке, и это почти чудо, учитывая, откуда вы их вытащили, – сказал круглолицый в белом халате, врач или фельдшер из городской больницы. – Понимаете, забрать их мы не можем, у нас хватает тяжелораненых...

Перекрывая рыдания тех, кто потерял близких, заглушая стоны пострадавших и сочувственные увещания врачей, понеслось оттуда, где над домами поднимался минарет над мечетью шейха Мансура:

– Аллах велик! Аллах велик! Свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха! Свидетельствую, что Мухаммад – посланник Аллаха! Собирайтесь на молитву!

«Почему не разбомбили их? – хотелось спросить Самиру. – Запад воюет с ними! Почему мы?».

Но женщина может позволить себе жалобные крики и причитания, он же мужчина, старший в семье... с сегодняшнего дня состоящей из двух человек, но все же семье.

– У них есть родственники? – поинтересовался круглолицый, повысив голос, поскольку муэдзин продолжал выпевать призыв-азан.

– Нет, клянусь своими усами, – ответил сапожник Бутрос. – Родители их из деревни. Кафр Касем вроде бы, на севере, на самой границе с турками. Отца убили три года назад.

«Четыре! Это сделали ублюдки-мусульмане!» – едва не выкрикнул Самир, но сдержался, крепче прижал к себе брата и погладил того по голове.

На самом деле никто не знал, почему оказался застрелен никому не мешавший, тихий семьянин Салим Абд-аль-Малак. Он просто не вернулся с работы вечером, а утром его тело нашли в одном из переулков Рыночного квартала.

– Печально, да упокоит Господь его душу, – сказал круглолицый и перекрестился.

– Он на небесах. – Бутрос повторил жест. – Мы ради Христа приютим мальчиков. Моя жена будет рада присмотреть, ведь наш старший уехал в Иорданию, а дочь... она... – сапожник сглотнул.

«Погибла во время одного из налетов» – мог бы сказать Самир, но смолчал.

– Отлично, – круглолицый поднялся. – Если что будет нужно – обращайтесь. Благословит вас Пресвятая Дева.

– Благословит тебя Пресвятая Дева, – отозвался Бутрос. – Спасибо.

Самир вновь не открыл рта: если бы Пресвятая Дева была именно такой, какой ее описывал отец Григорий, милосердной и сострадательной ко всем без исключения, то она бы не позволила случиться тому, что случилось, она бы не дала умереть сначала отцу, а потом и сестре с матерью.

Или ей наплевать на них, или ее вообще нет!

Этой мысли Самир испугался – такое думать могут только сумасшедшие.

– Спасибо, уважаемый, – проговорил он, ощущая, что губы ворочаются, словно чужие. – Мы с братом благодарим вас за вашу доброту, но у нас есть свой дом, и мы не...

– Не глупи, мальчишка! – рыкнул Бутрос. – От вашего дома ничего не осталось! Поднимайтесь, и пошли!

Ильяс оторвался от плеча брата: заплаканное лицо, красные глаза, оттопыренные уши, родинка на подбородке.

– Может, пойдем? – сказал он, глядя на Самира заискивающе. – Там же ничего. Даже если бы все было, то я не хочу смотреть...

– Вот тебе раз! – Самир нахмурился, потерял себя за ухо. – Ты младший! Слушай, что я говорю! Нам нужно позаботиться о телах...

– Мы этим займемся, – вмешался сапожник. – И отец Григорий. Вон он, кстати.

Священник, высокий и рыжебородый, остановился там, где в ряду домов возникла прореха, наклонился над лежавшей на земле пожилой женщиной. Поднялась его рука для благословения, качнулась голова в черном тюрбане, и женщину погрузили на носилки, понесли туда, где мерцали огни на крыше обшарпанной машины скорой помощи.

– Идем, – Бутрос подхватил Самира под мышки и поставил на ноги, Ильяс вскочил сам. – У нас есть свободная комната, пусть маленькая, но чистая. И окна... мы вставим. А о матери и сестре не беспокойтесь, мы о них позаботимся. Не бойтесь.

Самир глянул туда, где из-под ткани торчали ноги в розовых носках с покемонами, и сам пошел следом за сапожником, зато брата взял за руку – просто на всякий случай. Ильяс такой – лучше за ним присмотреть.

Пустота колыхалась внутри, как исполинский аэростат, и в то же время придавливала к земле. Конечно, у них есть свой дом, и они туда обязательно вернуться, но не сегодня, а завтра... Горло сухое, синяки со ссадинами ноют слишком сильно, ноги дрожат, так что сейчас он мало на что годится, да и Ильяса надо пристроить.

Завтра утром обыскать развалины, найти все ценное, забрать то, что можно восстановить или продать...

Они двое, они семья, они выжили и должны жить дальше.

Хотя бы для того, чтобы отомстить.

Глава 2

Горячее небо изрыгало зной. Он обжигал голову, но Самир все равно чувствовал, что ему холодно. Ледяной сыростью тянуло из могилы, похожей на воронку, возникшую рядом с их домом.

Ильяс всхлипывал, опустив голову на грудь, и сапожник Бутрос успокаивающе похлопывал его по плечу. Умм-Насиб, его жена, вытирала слезы, как и многие другие женщины; мужчины выглядели мрачными, кое-кто сжимал кулаки и шепотом ругался.

В результате позавчерашнего налета в их квартале погибло шестеро.

– Аминь! – торжественно произнес облаченный в епитрахиль и фелонь отец Григорий, и вслед за ним тот же возглас повторили все, от передних рядов до задних. – Аминь!

Самир смолчал, но перекрестился: указательный палец ко лбу, к груди, а затем от левого плеча к правому. Только не ощутил ничего: ни радости, ни облегчения. Словно пустота, появившаяся внутри два дня назад, поглотила светлые чувства, оставив только боль потери, отчаяние и ненависть.

Ильяс всхлипнул громче, поднял голову.

Священник подал сигнал, и гробовщик опустил крышку, пряча то, что осталось от их матери. Сестру упавшими камнями изуродовало до такой степени, что ее пришлось хоронить с закрытым лицом.

– Как же так? Ну почему... Оно же... – запричитал Ильяс.

– Молчи! – одернул его Самир. – Ты взрослый!

Двенадцать лет – уже не мальчик, особенно теперь, когда они остались вдвоем.

Мужчины крикнули, подняли гроб на веревках, и он мягко скользнул в холодную тьму. На мгновение завис на краю видимости, а затем исчез, растворился, пропал навечно.

Самир опустил веки, думая, что сейчас должны вернуться слезы, высохшие утром. Да, позавчера в доме у Бутроса он немного поплакал после того, как заснул Ильяс, тихо, кусая себя за кулак, чтобы никто не услышал, но на следующий день глаза его стали сухими, точно песок из сердца пустыни, где не живут даже змеи и шакалы.

Сегодня он думал, что это – навсегда.

– Покойся с миром, во имя Господа, – сказал отец Григорий, и первый ком земли ударился о крышку гроба.

Звук этот показался Самиру громким, как разрыв бомбы.

Он неуклюже, едва не упав, наклонился, нащупал кусок твердой, словно камень, глины, и бросил его. То же самое сделал Ильяс, к могиле двинулись Бутрос, Умм-Насиб, другие соседи, все жители их маленького квартала, зажатого между мечетью шейха Мансура и старой крепостной стеной, уцелевшей чуть ли не со времен крестоносцев.

Самир отступил, давая дорогу, и голова его закружилась, показалось, что кресты на кладбище пустились в пляс.

Проклятый зной, что жжет макушку, но не в силах согреть сердце.

Вчера он один, оставив Ильяса под присмотром соседей, оглядел то, что осталось от дома. Стены из камней и глины обрушились, от их комнаты не уцелело ничего, сохранился угол кухни с печью и часть спальни матери, где в сундуке помещалось все ее имущество.

Самир открыл его, заглянул внутрь, и понял, что ничего полезного не найдет, а просто так смотреть на дешевые побрякушки, склянки, платья и платки он не в силах. Все это – напоминание о жизни, обратившейся в прах, что это тоже прах, а прах к праху, кость к кости, мертвое к мертвому. Сундук он засыпал камнями, а брату сказал, что ничего ценного не обнаружил.

И он не соврал. Они остались лишь с тем, что на них, без денег или еды, вдвоем. Даже сотовый телефон, старенький, еще с кнопками, один на двоих, погиб там, под завалами. Может быть, его даже расплющило в лепешку.

Затих стук земли о дерево, холодная черная яма превратилась в углубление, а затем и вовсе исчезла.

– Да пребудет наша сестра со всеми святыми угодниками. Помолимся за нее, – произнес отец Григорий, и гробовщик принялся устанавливать крест, самый простой, из дешевого дерева.

Многие действительно начали молиться, и над кладбищем зазвучало нестройное бормотание. Ильяс захлюпал носом, пытаясь не отстать от других. Самир же лишь заскрипел зубами и отвернулся.

Встретился с сочувственным взглядом Азры и захотел провалиться сквозь землю. Куда угодно, хоть в ад, только бы она не смотрела на него желто-зелеными прекрасными глазами, словно на калеку!

Вон рядом ее мать, губы шевелятся. Никогда не упустит возможности повторить молитву, а крестится чаще, чем священник.

Но ни одна молитва не вернет мертвого. Ни одна.

Прощание закончилось, и Бутрос похлопал уже Самира по плечу тяжелой рукой, затем обнял. Прошептал в ухо что-то сочувственное и отошел, давая место следующему, и потянулись одинаковые лица, мужские и женские, одинаковые слова, от которых не становилось легче, зато возникало желание с криком броситься прочь.

Из круговорота сочувствующих вынырнула Азра, и ему стало еще хуже.

– Они сейчас с ангелами на небесах, – сказала она тихо и коснулась руки Самира, от этого прикосновения его словно ударило током.

– Спасибо, – сумел выдать он, и она улыбнулась, мягко, словно Пресвятая Дева.

Азру оттеснила ее мать, затем ее отец, учитель. Сверкнули очки на его лице. Запах одеколона окутал Самира душным облаком, от него защекотало даже не в носу, а в горле и глубже, чуть ли не в сердце.

– Сын мой, – произнес объявившийся рядом отец Григорий. – Мы скорбим с тобой. Помни, что душа наша уповает на Господа: Он – помощь наша и защита наша; о Нем веселится сердце наше, ибо на Святое имя Его мы уповаем.

– Конечно, так – проговорил Самир, сам удивляясь злости в собственном голосе. – Буду уповать на Господа. После того, как отомщу.

Брови поднялись на лице священника, такие же рыжие, как его борода, он нахмурился. Гомон вокруг разом стих, стало слышно, как с той же мечети шейха Мансура птицей летит призыв:

– Спешите на молитву! Ищите спасения! Аллах велик! Аллах велик!

– Кому ты собираешься мстить, дорогой, клянусь своими усами? – осведомился сапожник Бутрос, изумленно моргая.

– Тем, кто приносит смерть, – Самир ткнул вверх, в беспощадно-голубое небо. – Которые там, на самолетах... до них мне не добраться, но как насчет того, кто убил отца? Ведь вы знаете, кто это сделал! Просто не хотите, чтобы все было как десять лет назад!

Тогда ему не исполнилось и пяти, но запомнил он все хорошо – стрельба и крики, рев озверевшей толпы, испуганные лица взрослых, кровь на мостовой и тела на земле, почти такие же, как позавчера.

Много позже он узнал, что погром начался из-за пустяковой драки на рынке.

– Бог с тобой, Самир, – начал отец Григорий. – Как сказано в Писании: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: «Мне отмщение, Я воздам,

говорит Господь». Ведь «Ибо вот, придет Господь в огне, и колесницы Его – как вихрь, чтобы излить гнев Свой с яростью и прещение Свое с пылающим огнем».

– Ты что! Ты что! – испуганно зашептал Ильяс, дергая брата за рукав майки. – Замолчи!

Он всегда боялся сказать что-то против взрослых, а когда его ругали, даже зря, виновато молчал, понурился. Самир же возражал, горячо и яростно, обижаясь на несправедливость, и получал обычно вдвое больше.

– Итак, братия мои возлюбленные, всякий человек да будет скор на слышание, медлен на слова, медлен на гнев, ибо гнев человека не творит правды Божией. Посему, отложив всякую нечистоту и остаток злобы, в кротости примите насаждаемое слово, могущее спасти ваши души, – продолжал священник цитировать Библию.

– Вы же служили в армии! – воскликнул Самир. – И все равно боитесь?!

Все знали, что отец Григорий окончил военное училище и несколько лет был офицером, очень давно, когда существовала настоящая армия, до того, как единая страна фактически распалась на куски.

Тогда наверняка не случалось погромов, убийств на улицах, и их маленький квартал, из-за древней стены называемый Крепостным, не жил в таком страхе перед соседями-мусульманами. С одной стороны – сунниты, с другой – кайсаниты, с третьей – двенадцатники Черного квартала, и пусть они постоянно враждуют друг с другом, но христиан не любят все.

И пусть в правительстве должен числиться христианин, ему отдадут самый малозначимый пост, в то время как президентом обязан быть кайсанит, премьер-министром – суннит, а парламент возглавляет то друз, то алавит. Да и правительство фиктивное, всей власти его – выступать в телевизоре и издавать законы и распоряжения, которые никто не будет выполнять, если у него нет на то желаний.

– Да, я служил, – сказал отец Григорий, и глаза его потемнели. – Но отринул мечь. Хотя, поверь, мне есть, за что... Бог с тобой, Абд-аль-Малак. – Он перекрестил Самира. – Потерять родных – больно и страшно, так что я понимаю твою горе и сочувствую тебе. Надеюсь, что Господь не оставит тебя без помощи и разум вернется к тебе. Присматривайте за ним.

Последняя фраза предназначалась Бутросу и его жене, и они дружно кивнули.

– Двери храма для тебя всегда открыты, – продолжил священник. – Приходи. Облегчишь душу. Помолишься.

– Кто убил отца? Вы же знаете? – спросил Самир, но без надежды, понимая, что ему не ответят.

Да, их община невелика и бедна, но для тех, кто ее возглавляет, худой мир лучше доброй ссоры, и дома, лавчонки, скопленный за десятилетия скарб дороже какой-то там мести, дороже справедливости.

Сами живы – и ладно.

На него смотрели с ужасом и удивлением, Ильяс продолжал дергать брата за рукав.

– Учти, сегодня поминальная трапеза. – Отец Григорий не обратил внимания на вопрос. – И на ней не пристало вести себя недостойно. Бог с тобой, Самир.

Он развернулся и зашагал прочь, следом затопали остальные. Мелькнуло в толпе озабоченное личико Азры. Сапожник Бутрос глянул обеспокоенно, но ничего не сказал. Жена его, Умм-Насиб, потянулась было взять Самира за руку, но он отшатнулся, и она поспешила за мужем.

Через мгновение братья остались вдвоем среди могил, меж торчащих из земли крестов, под безжалостным, раскаленным небом.

– Зачем ты так, брат? – спросил Ильяс. – Только разозлил всех!

– Трусы! – отрезал Самир. – Я узнаю, кто это сделал, и отомщу!

– Один?

– Вот тебе раз. – Самир посмотрел на Ильяса. – Я-то думал, что у меня есть брат. Неужели ты не со мной?

– Ну, я же... – Ильяс замялся, вытер нос тыльной стороной ладони. – С тобой.

– Значит, мы отомстим. Мы все узнаем, все найдем и отомстим.

Внутри клокотало, но в то же время Самир чувствовал себя таким мертвым, словно он, а не мать и сестра, лежал в гробу под «одеялом» из земли, и тяжесть давила на сердце точно воткнутый в землю деревянный крест.

Глава 3

Умм-Насиб стояла на пороге, уперев руки в бока, и во взгляде ее читалось подозрение.

– Куда это вы собрались? – осведомилась она.

– Уважаемая, – сказал Самир, – не к лицу мужчинам сидеть в доме сложа руки.

На завтрак им досталась по маленькой миске кукурузной каши и по лепешке. Бутрос ушел в мастерскую, и из-за перегородки время от времени доносился его голос, постукивание молотка.

– Вы еще не мужчины! И вчера похоронили мать! – возразила Умм-Насиб.

– Но это не значит, что мы не должны кормить себя. – Самир сделал шаг вперед. – Позвольте нам пройти.

Он прекрасно знал, что сапожник живет небогато, и что двух прожорливых мальчишек ему прокормить будет трудно, да и стыдно быть нахлебником, если тебе четырнадцать, и руки-ноги у тебя на месте.

Это пока была жива мама, мастерица накашат¹, они могли ходить в мектеб и не думать, что будет на обед завтра.

– Ладно, – Умм-Насиб отступила в сторону, подняла руку для крестного знамения. – Идите, и поможет вам Святой Иоанн Милостивец!

Самир шагнул через порог, за ним прошмыгнул Ильяс.

– Куда мы пойдем? – спросил он.

– В Рыночный квартал, – ответил Самир. – Там всегда есть работа.

Очень хотелось оглянуться туда, где раньше находился их дом, но он сдержался. Почесал не до конца зажившую ссадину на лбу и зашагал по улице, неспешно, как подобает мужчине.

– Крепись! Да сохранит тебя Господь! – сказал старый Амин, как обычно сидевший у дверей своего дома.

Смуглый, морщинистый, в неизменном пиджаке цвета старого кирпича и засаленной феске.

– На все воля Божья, – как положено ответил Самир.

Соболезнования им придется слушать еще сорок дней, пока не состоятся третьи поминки.

Забор мектеба закончился, они миновали стоящий на перекрестке огромный портрет Башира ал-Хатиба, лидера христианской партии «Рассвет Машрика», что остался с выборов прошлого года: ангелы парили вокруг политика, держали над его головой венки. Миновали узкий переулок, где до обеих стен можно одновременно достать руками, и оказались за пределами Крепостного квартала.

Тут хоть и живут единоверцы, но работы не найдешь, придется отправиться к мусульманам.

Самир и Ильяс прошагали под растяжкой, надпись на которой гласила: «Аллах – цель, Пророк – пример, Коран – конституция, джихад – путь, а смерть на пути Аллаха – возвышенное стремление». Ее повесили к прошлому Дню независимости, весной, и за лето она выцвела, но буквы еще можно было разглядеть.

Позади остался крохотный мазар с черным куполом на кубическом основании, квадратный бассейн для омовения: на дне всегда стояла вода, и иногда, в засуху, мальчишки кидали в нее камушки, чтобы начался дождь.

Из ближайшей харчевни потянуло таким густым запахом нута, бараньей похлебки и мулухии, что у Самира заворчал в животе.

¹ Искусство раскраски тела хной.

– Ничего, – сказал он, заглушая недостойный звук. – Вот заработаем, и купим. Все. Ильяс сглотнул и кивнул.

Сначала надо зайти к каллиграфу Валиду-хаджи. Он водил знакомство с отцом, и иногда ему бывает нужен курьер, разносить заказы. Сам он старый, бегать по городу не захочет...

Улочки Рыночного квартала, как обычно, кипели людьми: кричали зазывалы, из окон и дверей мастерских доносились стук, визжание и стрекот, бродячие торговцы толкали тележки, нагруженные всякой всячиной, от бутербродов с бобами до платков. Собаки лежали в тени, вывалив языки. Запахи плыли такие густые, что хоть черпай их ложкой: пряности, кожа, нечистоты, пот, благовония.

– Христиане-свиноеды! Христиане-свиноеды! Молятся идолам! Бей их! – закричали за спиной.

Самир обернулся, сжимая кулаки.

Ага, мальчишки из Черного квартала, где живут двенадцатники, а женщины носят покрывала цвета ночи. Они любят дразнить чужаков, но тут, в толпе, напасть не рискнут.

– Проваливайте! – ответил Самир.

– Да! Валите! – поддержал его Ильяс.

Старший из мальчишек-двенадцатников, носивший прозвище Паук за сине-красную майку с Человеком-пауком, показал неприличный жест, и свора понеслась прочь, улюлюкая, хохоча и подпрыгивая.

– Придурки, – сказал Самир.

Они свернули к узкой двери, и оказались в такой же узкой лавке, забитой вывесками и банками с краской. От запаха клея и чернил у Самира засвербело в носу с такой силой, что он едва не задохнулся.

– Что надо? – спросил Валид-хаджи, такой же согнутый, как те значки, которые он выводил кистью.

– Уважаемый, – сказал Самир с поклоном. – Мы дети почтенного...

– Я помню, кто вы. – Доброты в голосе старика было меньше, чем мягкости в камне.

Через пару минут стало ясно, что работы у Валида-хаджи нет, что заказов мало, Аллах покарал безумием жителей не только города, но и всей страны, они перестали ценить истинную каллиграфию, и дружно помешались на печатных уродливых словах, вылезающих из машин...

Самир и Ильяс вновь оказались на улице, и тут же отступили к стене, давая дорогу нескольким бедуинам-аназа в неизменных абах²: всякий знает, что кочевникам лучше пути не перебегать, они всегда при оружии и охотно за него хватаются. Миновали пристроившегося у стены музыканта, терзавшего ребаб перед оловянной миской, внутри которой лежала пара монет, и зашагали дальше.

– Может быть, уедем из города? – спросил Ильяс.

– Вот тебе раз. – Самир посмотрел на брата удивленного. – Куда?

– Ну, в деревню...

– В Кафр Касем? Пасти коз, сушить бургул³ на крышах? Ты умеешь это делать?

– Ну я же... Оно само... – забормотал Ильяс. – Но там же осталась родня.

Да, отец говорил, что у него в деревне двое братьев и сестра, и у каждого дети, и что живут они большой дружной семьей, так что двух сирот в Кафр Касем примут, накормят и не дадут пропасть... Но тогда не останется шансов найти убийцу и отомстить!

Как же тогда утолить ту ненависть, что пылает внутри?

² Длинный плащ с рукавами.

³ Разновидность пшеницы.

– Там же граница, – заявил Самир серьезно. – Турки рядом, сирийцы тоже. Телевизора нет, ничего нет. Только козы и навоз. Так что нет, мы останемся здесь. Заработаем денег, – он положил руку брату на плечо, – отстроим дом, всего добьемся. Отомстим. Я обещаю.

Ильяс лишь тяжело вздохнул.

Они дошли от перекрестка, открылся вид на вход в Белый квартал, где живут кайсаниты: блокпост, а перед ним привязанный к столбу человек в окровавленной одежде. С головы его с ленивым карканьем сорвалась ворона, ветер отбросил волосы с лица, и стало ясно, что человек мертв.

– Пре-да-тель ве-ры и на-ро-да Маш-ри-ка, – прочитал Ильяс на табличке, что висела на шее трупа.

– Вот так и надо! – буркнул Самир. – Они сражаются, убивают тех, кто с врагом! Кто хочет, чтобы нас бомбили! Почему мы не такие?!

В Белом квартале хозяйничает «Движение обездоленных», не побоявшееся объявить джихад Америке. Там регулярно жгут звездно-полосатые флаги, а когда находят изменников, тех, кто продался западным дьяволам, то казнят и выставляют вот так, иногда одного, а порой и двух-трех.

Нарушителей шариата бьют палками, собирая толпы зрителей.

На самом деле «Движение» наложило лапу и на Рыночный квартал, и на большую часть страны...

Из-за поворота с ревом вынырнул джип, над крышей которого торчала пулеметная турель. Пронесся мимо, обдав мальчишек запахом бензина и машинного масла, с визгом затормозил у блокпоста. С подножки спрыгнул бородатый автоматчик в хаки, крикнул что-то, ему ответили, завязалась перепалка.

– Пойдем, а то заметят, – сказал Самир, сжимая через майку крестик, простой, кипарисовый, но зато подаренный отцом, да еще и освященный в монастыре Мар Симеона Дивногорца, что на Черной горе; точно такой же висел на шее и у Ильяса.

Христиане в столице Машрика – почти всегда ослы. Их бьют, а они терпят.

Они зашли в бакалейную лавку, но там их прогнали с порога. Миновали толпу у входа в контору махзуна, нотариуса, что занимается семейными делами, и остановились рядом с вывеской «Табак».

– Сколько можно идти? – заныл Ильяс. – У меня скоро ноги отвалятся!

– Ладно, попробуем тут, – и Самир решительно перешагнул порог табачной лавки.

Внутри обнаружился маленький горбатый мужчина лет пятидесяти.

– Мир вам, уважаемый, – сказал Самир, кланяясь.

Он ждал, что его погонят сразу, но горбатый терпеливо выслушал, только затем улыбнулся, показав желтые редкие зубы, и зазвучал его голос, тонкий, сочащийся сладостью, как спелый финик:

– Иншалла. Рахим благодарит Аллаха за то, что он послал ему вас.

Ильяс завертел головой, силясь понять, о ком говорит торговец.

– Гнусный приказчик не явился сегодня на работу, поэтому вы пригодитесь Рахиму, – продолжил тот. – Ты, юноша... – взгляд масляных глаз остановился на Самире, – выглядишь сильным, поэтому будешь таскать коробки, ну а ты, мальчик, – он посмотрел на Ильяса, – используешь свой голос, чтобы привлечь покупателей. Понимаешь, что нужно кричать? Сигареты, сигары, сигариллы, самый лучший табак! Чтобы каждый, услышавший тебя, ощутил, как рот его наполняется слюной, а руки тянутся к кошельку. Только вздумайте украсть что – «Дети Аллаха» узнают об этом.

Самир похолодел.

«Дети Аллаха» были частью «Движения обездоленных», той, что отвечала за дела, где требовалось испачкать руки в крови – публичные наказания и казни, тайные убийства, защиту

Белого квартала и погромы, стычки на границах, похищения ради денег. Именно логовам «Детей Аллаха» в первую очередь предназначались бомбы и ракеты, летевшие с самолетов.

Предназначались, но отчего-то падали куда угодно.

– Сколько платите? – спросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Иншалла! – Торговец взял с прилавка четки-тасбих и принялся задумчиво перебирать бусины; затем он назвал сумму, и Самир с тоской подумал, что даже ленивый приказчик за день наверняка зарабатывает в два раза больше.

Но на эти деньги они смогут купить еды и себе, и кое-что отдать Умм-Насиб.

– Хорошо, – сказал он. – Мы согласны.

Ильяс получил несколько пачек сигарет и отправился на улицу, вскоре оттуда донесся его звонкий голос, а Самир принялся наводить порядок в лавке. Довольно быстро у него возникло ощущение, что «гнусный приказчик» если и появлялся здесь, то не одну неделю назад.

Ящики и коробки стояли как попало, в углах властвовала грязь.

Рахим, перебирая тасбих, то и дело повторяя «иншалла», раздавал указания. Заходили покупатели, и тогда он отвлекался, речь его менялась, в ней появлялись цитаты из Корана и давно умерших поэтов, а спина становилась еще более сгорбленной.

Судя по тому, что торговля шла бойко, Ильяс на улице старался не зря.

На полуденную и предвечернюю молитвы торговец прерывался, расстилая коврик прямо на полу. Читал аяты и бил поклоны, не отходя от прилавка, и Самиру приходилось тихо стоять в сторонке и ждать.

– Хорошо, иншалла, – сказал торговец, когда свет, проникавший в окошки, стал тускнеть. – На сегодня достаточно, есть на что сходить в кофейню и возблагодарить Аллаха. Позови брата, юноша, идите сюда, и не говорите, что Рахим обманул вас.

Рассчитался он и в самом деле честно, хотя отдал самые потертые, старые монетки.

– Видишь, что я тебе говорил? – гордо заявил Самир, когда они вышли на улицу. – Теперь у нас есть деньги!

Первым делом мальчишки заглянули в ближайшую харчевню для «эмиров», где уселись прямо на тротуар и набили животы лепешками с зеленью, хумусом и овощами. Утолив голод, отправились на рынок, где выбрали хороший кусок брынзы, с каким не стыдно вернуться, и отправились домой.

На этот раз шли другим путем, через площадь Независимости, в центре которой торчал неработающий фонтан, а на другой стороне высились руины огромного здания. Самир помнил, как отец рассказывал, что тут стояла гостиница, и туда даже приезжали люди из других стран, пока не случилась гражданская война и строение не сожгли.

Именно тогда, двадцать пять лет назад, появились стены между кварталами и патрули с оружием.

Мысли об отце потянули воспоминания о матери с сестрой, и внутри колыхнулась задремавшая было ненависть. Кулаки сжались сами, и Самир в который уже раз поклялся, что отомстит за их смерть, найдет тех, кто виноват, и убьет, выставит на обозрение, как того предателя, с табличкой на груди!

Через узкий переулок они пронеслись бегом, и облегченно вздохнули, оказавшись в родном квартале: время к вечеру, а в темноте ходить по чужим улицам небезопасно.

И тут, около церкви, налетели на Азру и ее мать.

– Ох! Ах! – воскликнула та. – Ради Господа и всех святителей, куда вымчитесь?

– Прошу прощения, – отозвался Самир, ощущая, как полыхают его уши, и радуясь, что в полутьме этого не видно.

– Где вы были? – спросила Азра, и лицо ее украсила улыбка, мягкая, искренняя. – Мы заходили днем, хотели проведать, но Умм-Насиб сказала, что вы ушли еще утром.

На руках у нее лежал кот, уличный, тощий и дикий, способный разодрать человеку плоть до кости одним ударом когтей. Но он сидел тихо, да еще и мурлыкал, когда девочка гладила ему за ушами, и глаза его пылали зеленым огнем.

«У тебя тоже кошачьи глаза, только добрые и ласковые. Я бы тебя погладил» – подумал Самир, и смутился собственной мысли.

– Мы работали! – гордо заявил он, поднимая сверток с брынзой. – И заработали.

– Ах! Ох! – воскликнула мать Азры. – Акакжешкола!? Вычто!? Такнельзя! Мой муж, он спрашивал! Если будете прогуливать, васисключат!

Как обычно, она тараторила, слова вылетали очередями, как пули из автомата.

– Оно само получилось... – протянул Ильяс, виновато таращась в землю.

– Да, папа волнуется, – сказала Азра. – Приходите.

Самиру очень хотелось сказать, что от школы нет никакого прока, читать, писать и считать он умеет и чему такому может научиться еще, что потом окажется полезным? Зачем торговцу, сапожнику или хозяину кофейни знать о других странах, о том, как устроены растения или животные?

Но здесь была мать Азры, а возражать старшим – невежливо.

– Спасибо, мы постараемся вернуться, после того как устроимся, – сказал он.

– Обязательно, – поддакнул Ильяс.

Азра улыбнулась еще, глядя Самиру прямо в глаза, и от этой улыбки он на мгновение сделался невесомым, забыл обо всем, и о том, кого он потерял позавчера, и о терзающей душу боли.

Глава 4

На следующий день горбатый Рахим встретил мальчишек без удивления: Ильяс отправился на улицу – заманивать покупателей, а Самиру пришлось, вооружившись инструментами, лезть на крышу, искать и конопатить щели, что обязательно начнут сочиться водой через месяц, когда придут дожди.

«Гнусный приказчик», судя по всему, был либо далеким прошлым, либо выдумкой.

К вечеру Самир перегрелся на солнце, от запаха горячего гудрона его тошнило, а Ильяс охрип, но зато они снова получили деньги.

– Видишь, брат, теперь мы мужчины! – гордо заявил Самир, когда они вышли из табачной лавки. – Мы сможем накопить и отстроить дом, чтобы не жить у чужих людей!

– Ну, они не чужие... – буркнул Ильяс. – Может быть, купим газировки? И фатыра?

До пирожков и сладких напитков он был сам не свой, если бы мог, набивал живот только ими.

– Купим, – ответил Самир после паузы, и они свернули в сторону ближайшего ларька, на полках которого теснились бутылки газировки, упаковки шампуня, а на поддонах лежали куски ярко-зеленого мыла из оливкового жмыха и тут же – фатыр.

Испеченный утром, он остыл, потерял запах, но зато и подешевел.

– Мир вам, – сказал Самир продавцу. – Нам, пожалуйста...

– Христиане-свиноеды! Христиане-свиноеды! – донеслось сзади, твердое и тяжелое ударило в правую лопатку.

Глаза продавца округлились, он пробормотал «помилуй меня Аллах», и скользнул внутрь ларька.

Самир обернулся, зная, что увидит: Паук и его мерзкая свора, уличные бандиты из Черного квартала, ухмыляющиеся физиономии, в глазах злоба, в руках куски сухой глины. Ильяс ойкнул, отступил на шаг, едва не опрокинув поддон, и схватился за лоб – над левой бровью вздувалась шишка.

– Проваливайте! – гаркнул Самир.

Он ненавидел тех, кто унижает других, кто любит пользоваться чужой слабостью.

– Что? – Паук поднял руку. – Ты, христианская собака, являешься на наши улицы и требуешь, чтобы мы уходили? Ты забираешь ту работу, которая нужна одному из нас?

У отца Паука, насколько знал Самир, был магазин одежды, и сам он не работал ни дня. Одно выглядело правдой – здесь, в Рыночном квартале, владения мусульман, они двое тут чужаки.

Ильяс затравленно огляделся.

За их спинами грохнул утянутый внутрь ларька поддон, за ним второй, третий. Продавец торопливо выставил лист ржавого железа, загородил стекло, что не выдержит, если в него попадет кусок глины или камень.

– Проваливайте, – повторил Самир, но без прежнего напора.

– Почтеннейший Рахим собирался предложить место приказчика моему другу! – Паук указал на одного из приятелей, скорее всего наугад. – А ты нагло занял его место! Отдай деньги!

– Может быть, убежим? – шепнул Ильяс. – Ну же... оно...

– Не выйдет, – так же тихо отозвался Самир: если рвануться что вправо, что влево, их перехватят, поставят подножку, а уж если ты упал, то все, встать тебе не дадут.

Кричать, звать на помощь бесполезно – улица пустынна, да и никому нет дела до мальчишеских разборок, если это чужие мальчишки, а тем более какие-то христиане.

– Что, втянули языки в задницы, грязные свиноеды? – Паук сделал шаг вперед. – Или шепчетесь, прославляя Иблиса? Но видит Аллах, он вам не поможет!

Он вскинул руку и швырнул ком глины в Самира, тот ухитрился уклониться, и «снаряд» с грохотом врезался в металлический лист. Но второй, брошенный кем-то другим, угодил в плечо, где до конца не зажил ушиб, и там вспыхнула боль.

Ильяс вскрикнул.

Прятели Паука глумливо захохотали.

– Эй! – выкрикнул продавец, выглядывая из ларька. – Идите прочь, нечестивцы! Разнесите мне тут все, кто платить будет? Твой отец?

– Спокойно, почтенный. – Паук нахмурился, пожал губы, стараясь выглядеть взрослым. – Если что-то сломается, то заплатят ради Аллаха собаки-неверные. Так?

– Нет, – ответил Самир, стараясь не обращать внимания на боль в плече. – Никогда.

Да, он боялся, но знал, что показать страх нельзя, что если выпустить его наружу, то свора тотчас же почует и бросится на них. Ильяс тоже держался молодцом, только губы его подрагивали, и темные глаза выглядели еще больше, чем обычно.

– Иди и возьми, – продолжил Самир, глядя прямо в лицо Паука. – Вот тебе раз. Только кажется мне, что ты трус. Можешь лишь кидаться и насмеяться, точно девчонка!

– Слабак! – добавил Ильяс. – Мы – сильные!

Вроде бы кто-то двинулся в сумерках, в той стороне, где осталась табачная лавка, вроде бы высокая мужская фигура, но отводить взгляд нельзя, есть шанс, что враг сдрейфит и отступит, они смогут уйти.

Физиономия Паука побелела, он оскалился и зашипел:

– Трус? Сам такой! Бей их!

– Плечом к плечу! – крикнул Самир, и ощутил, как прижался к нему Ильяс: позади ларек, оттуда они не подберутся, главное не дать оттащить себя на середину улицы или повалить.

В следующий момент Паук оказался рядом, замахнулся, но Самир опередил его. Запястье дернуло болью, зато враг взвизгнул и отскочил. Чей-то кулак пришелся в плечо. Ильяс качнулся, но устоял.

Мелькали лица, руки, Самир топтался на месте, лупил изо всех сил, не целясь. Понимал, что долго им не продержаться, что их сомнут толпой, еще немного, и все, все... Пока мальчишки из Черного квартала только мешали друг другу, но постепенно они разберутся.

Он промахнулся, зато ему прилетело прямо в ухо, да так, что в голове зазвенело. Качнулся. Показалось, что услышал далекий женский крик... мама?... нет, не может быть...

– Ильяс, беги! – Самир не понял, выкрикнул это или только подумал.

Есть шанс, что брат вывернется из свалки и удерет.

Сумел выпрямиться, скорее не ударил, а отпихнул подбравшегося близко пацана с заячьей губой: ноги тряслись, дыхания не хватало, пот тек по лицу и заливал глаза, ухо раздувалось, ожили все полученные четыре дня назад ушибы и ссадины, о которых уже начал забывать.

Увидел, как согнулся Ильяс, и тут же сам получил в бок с такой силой, что захрустели ребра. Ударился спиной о ларек, и тут колени не выдержали, подогнулись. Самир попытался схватиться хоть за что-нибудь, но лишь загреб воздух.

– Вали свиноедов! – полетел над улицей крик Паука, его лицо мелькнуло за спинами приятелей.

Самир знал, что должен свернуться в клубок, прикрыть руками голову и лежать.

Но удар в челюсть развернул его, и он свалился на спину, беззащитный, как черепаха без панциря. Красные физиономии оказались далеко вверху, к вечернему полумраку добавился багровый туман, заструившийся одновременно со всех сторон.

Ощутил лишь, как жадные руки – наверняка Паука – начали обшаривать карманы. Услышал торжествующий вопль, и понял, что сегодняшняя зарплата досталась врагу. Повернул голову, пытаясь разглядеть, что с Ильясом, но обнаружил только чужие ноги.

– Что-то мало, – буркнул Паук. – Наверняка спрятал, засунул в свиную задницу. Пинайте его, пусть все расскажет!

– Стоять! – громыхнуло сверху. – А ну прочь, крысята!

Один из своры отлетел в сторону, второй, третий вскрикнул, и из звуков остался лишь удаляющийся топот. Над Самиром воздвигся некто огромный, словно ифрит или див из сказки, из сумрака выдвинулась могучая ручища.

– Вставай, парень, – произнес тот же рокошущий голос. – Нечего отдыхать.

Самир моргнул – неужели от удара по голове он начал видеть несуществующее? Упаси Господь!

Но рука выглядела настоящей – мозолистая, крепкая, загорелое предплечье.

– Да... спасибо... – проговорил Самир, поднял собственную руку, хилую и тонкую рядом с протянутой ему ручищей, и его одним рывком вздернули на ноги. – Спаси...

Благодарность застряла в горле, облегчение, накрывшее после избавления от опасности, точно ветром сдуло, ему на смену пришел страх, судорогой пробежавший по внутренностям. Он узнал человека, пришедшего им на помощь, и не удивился, обнаружив, что на плече великана висит автомат, а за спиной его стоят еще двое с оружием.

Зеленая бандана с цитатой из Корана, что скрывает обритую наголо голову, оспины и шрамы на лице, ястребиный нос и острый взгляд хищной птицы, широченные плечи и борода с проседью. Наджиб, один из командиров «Детей Аллаха», жестокий, не знающий жалости. Его боятся даже свои.

Самир слышал, что тот участвовал в джихаде еще в Афганистане, но не знал, враки это или правда.

– Вы храбро бились, – сказал Наджиб. Щелкнула зажигалка, и в полутьме заалел огонек сигареты, поплыл табачный запах. – Сам Повелитель Верующих, да будет доволен им Аллах, вознес бы вам хвалу. Двое против... Пятеро, шестеро? Сколько их там было?

– Я не считал, – ответил Самир, быстро глянув в сторону: как там Ильяс?

Тот стоял, вытирая кровь с разбитой губы, кривился, но был цел и в сознании.

У Самира полегчало на сердце. Слава Господу и Пресвятой Деве!

– Откуда вы? Твое лицо мне кажется знакомым, аа? – продолжил Наджиб. – Понятно... ха-ха...

Кто-то во время драки – Самир даже не заметил этого – разорвал ему ворот. Командир «Детей Аллаха» протянул руку, и крестик из кипариса теперь лежал на его огромной ладони, маленький и беззащитный.

Все знают, как Наджиб относится к христианам.

Бежать поздно, да и бессмысленно – пулю никто не обгонит.

– Воистину, расщепляет Аллах зерно и косточку. Производит он живое из мертвого и мертвое из живого. Таков Он – Аллах! – произнес нараспев командир «Детей Аллаха». – Скажи мне свое имя, парень.

«Чтобы ты знал, кого убиваешь?» – подумал Самир.

Страх держал за горло мертвой хваткой, и сердце дергалось овечьим хвостом, но он ухитрился задрать голову и гордо произнести:

– Самир Абд-аль-Малак.

– Самир ибн-Салим? – уточнил Наджиб, и лицо его расколола усмешка, в черноте бороды сверкнул золотой зуб. – Хорошее имя. Я знал твоего отца. Он тоже был отважен. Смиляется над ним Аллах.

Самир вздрогнул, он ждал чего угодно, но только не такого!

Откуда безжалостный убийца-кайсанит может знать простого работягу из Крепостного квартала?

– А это твой младший брат, аа? – Наджиб перевел взгляд на Ильяса, и тот поспешно закивал. – Тоже не струсил, не отступил. Если бы наши бойцы все были такими, ха-ха. Клянусь знаменем Пророка, да пребудет с ним мир, мы бы установили имамат от Индии до Испании! «Мы – сильные», надо же.

Ильяс покраснел так, что было видно даже в полутьме.

Один из автоматчиков ухмыльнулся, другой захохотал во всю глотку.

Самир моргал, не зная, что и думать. Страх не исчез, но к нему примешалась доля неуверенности – их вроде бы не убьют, похищать двух мальчишек ради денег смысла нет. Что тогда нужно Наджибу?

Командир «Детей Аллаха» отпустил крест, и тот упал Самиру на грудь.

– Идите, – сказал Наджиб, – и благодарите Всемилоостивого, что остались живы.

Он развернулся и зашагал прочь, полетела в сторону выкуренная в три затяжки сигарета. Следом двинулись телохранители, напряженные, внимательные, с автоматами наготове.

– Слава тебе, Господи! – воскликнул Ильяс, когда кайсаниты исчезли за углом. – Уцелели! Какой он сильный... – в последней фразе прозвучали нотки зависти.

«Но денег лишились, и домой придем с пустыми руками и разбитыми рожами, – подумал Самир. – Кроме того, в лавку горбатого Рахима нам теперь дороги нет, свора Паука будет поджидать рядом, и если мы только сунемся, то синяками не отделаемся».

В животе голодно урчало, напоминая о том, что он не ел целый день, а на завтрак были только оливки и немного риса с шафраном.

Глава 5

Вой в небесах раздался, не успели они пройти и ста метров.

– Самолеты? – Ильяс вскинул голову. – Опять налет?

– Побежали! – и Самир припустил со всех ног, но тут же понял, что ничего не выйдет: левая коленка болела так, что на глаза наворачивались слезы, и колотьем отдавался в боку каждый шаг. – погоди, стой... Вот тебе раз... Я не могу... вдоль стены...

Вой стал громче, от него заложило уши. Гроыхнуло, и на севере, в стороне Черного квартала, к небесам поднялся столб пламени. Высветил нацеленные в небо «ракеты» минаретов, черные изломанные тени упали на неровную грязную мостовую, земля вздрогнула.

За первым разрывом последовал второй, ближе, и Ильяс заскулил, точно щенок.

– Что делать?! Что?! – воскликнул он.

– Давай вдоль стены, – Самир ковылял так быстро, как только мог, но сил не было, голова трещала, хотелось лечь прямо тут, невзирая на бомбежку, прижаться лицом к земле, чтобы только не двигаться.

Но он помнил, что не один, должен найти убежище, и лучше в своем квартале... Тут не так далеко, метров двести, если по прямой, но так не пройдешь, нужно дать крюка...

Словно гром ударил прямо за спиной, Самир на мгновение ослеп, его бросило в сторону. Успел выставить руки, ободрал ладонь о шершавую стену из камня, услышал крик Ильяса.

Не понял, как оказался на ногах, но в следующий момент они снова бежали через тьму, пронизанную воем бомб и самолетов, криками, грохотом разрывов, гулом и треском падающих зданий. Новая вспышка, далеко, но Самир увидел, что они совсем рядом с мечетью шейха Мансура, что дверь ее открыта, на пороге стоит невысокий старик и машет рукой.

– Туда... – прохрипел Самир, хватая Ильяса за плечо.

Стены мечети толстые, сама она маленькая, неприметная, бомбить ее специально никто не станет.

– Сюда! Сюда! – воскликнул старик, отступая в сторону.

Самир ввалился внутрь и тут же наполовину сел, наполовину упал, коленка отказалась ему служить. Ильяс прижался к стене, глаза выпучены, рот приоткрыт, подбородок трясется, ходит вверх-вниз.

Зашуршал полог, каким закрывают дверь мечети во время зимних холодов – несколько слоев плотной кожи, осколок не пробьет. Гул разрывов и свист бомб утихли.

– Вы в безопасности, – сказал старик, улыбаясь. – Вверьте себя защите Аллаха.

– Но мы... мы... – Самир трясущейся рукой вытянул из-за ворота крест на шнурке: он не станет лгать, пусть даже от этого зависит жизнь, и его собственная, и брата.

– Разве Аллах велит гнать того, кто в опасности? Помогайте друг другу в делах праведных и благочестивых... А что может быть праведнее, чем спасение жизни другого? – Старик покачал головой. – Сидите здесь, я сейчас приду.

И он ушел, бесшумно растворился во мраке.

Самир осмотрелся, разглядел лишь очертания стен и потолка, темное пятно михраба, указывающего направление на Мекку, да ковер на полу. Ощупал больную коленку, попробовал согнуть ее, и понял, что даже если захочет, то прямо сейчас из мечети не уйдет.

Во тьме вспыхнул огонек, маленький, колеблющийся. Приблизился, и стало ясно, что это древняя керосиновая лампа в руке старика.

– Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного, – произнес он, ставя лампу на пол. – Займемся вашими ранами.

Борода его казалась серебряной; смуглая, иссеченная морщинами кожа – черной; глубоко посаженные глаза смотрели живо. В другой руке он держал миску с водой, в ней плавала губка, и от миски исходил резкий травяной запах.

– Мир вам. Спасибо, что приютили, – сказал Самир. – Простите, но вы кто?

– Сторож, – ответил старик. – Так, давай сначала ты, младший... Не бойся меня... Немного пожжет, но воистину Аллах с терпеливыми...

Он провел губкой по лицу Ильяса, и тот сморщился, но не издал ни звука.

– Если вы думаете, что Пророк Мухаммад, да ниспошлет ему Аллах благословение и мир, был врагом христиан, то вы ошибаетесь, – проговорил старик, осматривая голову Ильяса. – Мать же Исы упомянута в Писании не один раз: Вспомни также ту, которая соблюла целомудрие лона своего, произведя дитя на свет. Вдохнули Мы в нее от Духа Нашего, и она, и сын ее стали знамением по воле Нашей для обитателей миров... И еще... Целая сура «Марьям»... Так, а ну-ка не вертись!

Самир заморгал.

Такого просто не могло быть! Чтобы в священной книге мусульман упоминалась Пресвятая Дева! Это обман!

– Но как же так? – не выдержал, спросил. – Почему тогда всё... ну, так, как есть?

Ильяс пискнул, когда губка, смоченная в отваре трав, коснулась ободранного локтя. Снаружи грохнуло, пол затрясся, колыхнулся полог на двери, но в следующий момент бушующая там какофония отдалилась, словно уменьшили громкость на колоссальном телевизоре.

– Вы думаете, что ислам – это ненависть к иноверцам, жестокость и фанатизм, – старик вздохнул. – Увы, многие, кто именуют себя правоверными, тоже полагают так. Воистину дерево аз-Заккум – еда для грешника, забурлит оно в животах их, словно металл жидкий, будто кипяток жгучий.

– А что же тогда такое ислам? – спросил Самир.

– Ислам – это вверение себя Аллаху, единственному, кому нет причины. Мусульманин – тот, кто полностью, целиком вверил себя Аллаху.

Говорил сторож чисто и гладко, как по писаному, словно тот же отец Григорий, и это выглядело странным: слишком мудрено для простого человека, и в то же время трудно представить, что спрятал их от бомб ученый богослов.

Самир нахмурился, рука его потянулась к мочке уха, он дернул за нее раз, другой. Ильяс, с ранами которого было покончено, с облегчением вздохнул и, откинувшись, прислонился к стене.

– Но мы же тоже предаем себя Господу, – сказал Самир.

– Только ли ему? – Старик обмакнул губку в плошку, подкрутил фитиль лампы. – Давай, показывай руки. Вы делите Всевышнего на три части, равняете с ним Марьям. Господь же миров един, и не имеет ни состава, ни частей, ни качеств, ибо всякая составная сущность является зависимой и нуждающейся, а множественность невозможна без различения частей, а различение ведет к утрате совершенства, а то, что не имеет совершенства, по сути своей зависимо...

Речь его журчала подобно воде, словно благословенная дождевая влага, падающая с неба, и Самир почти не ощущал легких прикосновений к рукам и лицу там, где сегодня и несколько дней назад он заработал шишки и ссадины, содрал кожу. Чувствовалось лишь слабое жжение, да лез в ноздри запах трав, такой сильный, словно они росли и цвели, и рассеивали пыльцу прямо тут, в мечети, на ковре, как теперь он мог видеть, старом и вытертом, с орнаментом из золотых и зеленых нитей.

Вместе с болью от ушибов и царапин уходила и та, что поселилась внутри в день смерти матери, словно губка в морщинистых руках омывала и душу.

– Мусульманин тот, кто произносит с полной верой и пониманием, – продолжал старик. – Он – Аллах Единый, Аллах ни в чем не нуждающийся. Не родил он и не был рожден, и нет никого, равного Ему. Он един в господстве, един в творении, един в поклонении, в повелении и решении, в страхе и боязни, в царстве и владении, в пропитании и полагании, действии и обращении.

Голова у Самира шла кругом, Ильяс сидел у стены тихо, словно мышь, почуявшая кота, только моргал.

– Так, а теперь колено, – сказал старик, откладывая губку. – А ну, снимите штаны. Воистину, Аллах с терпеливыми. Как сказал Повелитель Верующих, да будет доволен им Аллах: «и поистине, Досточтимый и Достославный Однозначный, нельзя разделить его ни в сущности, ни в разуме, ни в воображении...».

Холодные сильные пальцы ощупали колено Самира, и тот замер, готовясь к еще большей боли. Но старик дернул, что-то хрустнуло, горячая волна плеснула на лодыжку и на бедро, словно всю ногу облили кипятком, а в следующий момент неприятные ощущения исчезли.

– Ну как, лучше? – спросил старик.

– Да... – прошептал Самир. – Спасибо...

За стенами мечети по-прежнему падали бомбы; самолеты, прилетевшие с запада, рвали небо; дома рушились, чтобы погрести под собой хозяев, но он ощущал себя в безопасности. Голова продолжала кружиться, но иначе, легко и свободно, словно он избавился от тяжелого груза, от застарелой боли.

– Пророк Мухаммад, ниспослет ему Аллах благословение и мир, упомянут в Библии, – проговорил старик, улыбаясь. – Евангелие от Иоанна, глава пятнадцатая: «И я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовеки. Когда же придет Утешитель, которого я пошлю вам от Отца, Дух Истины, который от Отца исходит, он будет свидетельствовать обо мне».

– Я помню эти слова, – сказал Ильяс. – Отец Григорий, он...

– А почему это про Мухаммада? – перебил его Самир.

– Утешитель – по-гречески Параклет. Это искаженное Переклетос – «хвалимый». Мухаммад – тоже «хвалимый».

Самир нахмурился: если в Библии говорится о Мухаммаде, а в Коране упомянута Пресвятая Дева, не значит ли это, что не так уж велика разница между двумя верами? Почему же тогда люди одной считают людей другой дьяволами, ненавидят друг друга и убивают? Отчего одни боятся дышать, а другие находят силы воевать, не боятся называть врагов врагами и мстить им?

Но только помрачением, тяжестью пережитого в последние дни, жадной мести за родных, болью душевной и телесной можно объяснить то, что он спросил:

– А как стать мусульманином?

Самир испугался слов, вылетевших из его рта, принялся торопливо натягивать штаны. Ильяс пискнул что-то, снаружи донесся приглушенный расстоянием взрыв, а старик улыбнулся.

Он уселся на ковер, скрестив ноги, огладил бороду и только затем ответил:

– Очень просто. Достаточно в присутствии двух свидетелей, уважаемых мужей, произнести шахаду, свидетельство веры: «Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммад – Пророк Его». Только сказать это нужно с искренней убежденностью, довериться Всевышнему всем сердцем...

Но Самир уже не слушал.

Так легко? Никаких обрядов, крещения или жертвоприношения? Ничего?

– И всех, кто это сделал, называют «дети Аллаха»?

Глаза старика сузились, он тяжело вздохнул.

– Нет, это имя опасно близко к многобожию, и те, кто его приняли, ходят по краю. Тот единственный, кто делает вещи существующими, никогда не называл себя Отцом. Слишком много в этом человеческого, а Он неизмеримо выше нас... Безумие, почти самообожествление, рискованная вещь – претендовать на какое-то родство с Ним. Вспомним, как сам Он сказал: «Не присуще Богу детей иметь. Пречист Он от этого».

– Но... – начал Самир.

– Да, я знаю, о ком ты говоришь. Увешанные оружием типы из Белого квартала. Можно ли назвать их истинными мусульманами? – Старик развел руками. – Я не знаю. Когда-то давно их предки пошли за аль-Мухтаром ибн Абу Убайдом ас-Сакафи, признали имамат Мухаммада ибн аль-Ханафии, сына Льва Аллаха от ханафитки, и за прошедшие века они отклонились от сунны очень...

Ильяс сонно моргнул, голова его начала клониться на грудь, Самир удержал зевок и сделал вид, что внимательно слушает: ничего занимательного в древних именах нет, но вежливый гость всегда изобразит, что ему интересен рассказ хозяина, даже если сам умирает со скуки.

– Кажется, там все заканчивается, – сказал старик. – Сидите пока тут, я посмотрю. Хвала Аллаху...

Он поднялся и ушел в темноту.

– Ты что, собрался стать мусульманином? – испуганно прошептал Ильяс. – Свихнулся?

– Не говори глупостей, – огрызнулся Самир. – Просто спросил.

Он отвернулся, делая вид, что прислушивается к творящемуся снаружи: взрывов больше не было, грохот стих, долетали лишь далекие сирены то ли пожарных, то ли скорой помощи.

Послышалось шарканье, во тьме обозначился силуэт старика.

– Все тихо, можете идти, – сказал он, нагибаясь за лампой. – Приходите еще. Поговорим.

– Спасибо, – Самир поспешно вскочил, поклонился. – Вы были очень добры к нам. Всего вам наилучшего, здоровья и тысячи благ...

Старик усмехнулся, потрепал Ильяса по курчавым волосам, затем отвернулся. Зашуршал полог, и внутрь мечети проник багровый отблеск пожара, потянуло тяжелым, горьким дымом.

Переступая порог, Самир услышал, как старик прошептал им вслед:

– Да хранит вас имя Пророка!

Глава 6

Умм-Насиб держала Самира за руку так крепко, словно боялась, что он убежит. Пахло от нее воском и куркумой, наверняка опять мазала лицо забидом⁴, чтобы выглядеть лучше.

Ильяса вел сапожник Бутрос, и от него тянуло сигаретами и старыми башмаками.

– Мы никуда... – начал Самир, когда они вышли на площадь перед церковью, где, как всегда воскресным утром, было много народу: стыдно, когда тебя на виду у всех ведут за ручку, точно несмышленного малыша.

– Молчи, мальчишка! – оборвала его Умм-Насиб. – Я вчера все глаза выплакала! Святой Иоанн Милостивец, бомбы летят, ракеты падают, а они неведомо где шляются!

Самиру очень хотелось сказать, что они вернулись, и вернулись живыми, но он понимал, что это бесполезно, и промолчал.

Вчера Умм-Насиб долго ругалась, оглядывая их раны и причитая, что денег на доктора у них нет. Бутрос пытался что-то сказать, но ему не давали вставить и слова, как и мальчишкам – ровно до момента, когда начались дотошные расспросы, где они были и что делали.

Самир с Ильясом заранее условились никому не говорить, что прятались в мечети. О драке пришлось упомянуть, соврать, что сумели убежать, а потом спрятались от налета в одном из подвалов в Кошачьем переулке, где есть несколько заброшенных лавок.

Сейчас Умм-Насиб вела их напрямик к церкви, и можно было только догадываться, зачем.

Самир поймал на себе несколько любопытных взглядов, торопливо перекрестился. Под ногами оказался старый камень ступеней, уложенных больше тысячи лет назад, и он очутился под сводами храма, под суровыми взглядами святых на потемневших от времени иконах.

– Отец Григорий! – закричала Умм-Насиб. – Отец Григорий!

Священник выглянул из-за занавеси, отделявшей алтарь от остальной части церкви, он был в епитрахили, но еще без пояса.

– Уважаемая, – начал он укоризненно. – До службы всего полчаса, уже нет...

– Поговорите с этими неслухами ради Господа! – воскликнула Умм-Насиб. – Вразумите негодников!

Отец Григорий тяжело вздохнул. Похоже, он понял, что с этой женщиной спорить, все равно, что останавливать поезд, встав у него на дороге и грозно нахмурившись.

– Хорошо, – сказал он. – Самир, Ильяс.

Умм-Насиб и Бутрос сделали по шагу назад, так что братья оказались вдвоем перед священником. Тот посмотрел на них сурово, так, что не осталось сомнений – он не всегда служил в храме, а когда-то держал в руках оружие, командовал другими людьми с оружием и был ничуть не мягче того же Наджиба.

– Как говорится в послании к Титу: «Напоминай им повиноваться и покоряться начальству и властям, быть готовыми на всякое доброе дело, никого не злословить, быть не сварливыми, но тихими, и оказывать всякую кротость ко всем человекам», – веско произнес отец Григорий. – Я понимаю, что вы – мужчины, что вы хотите казаться взрослыми, но сейчас не время и не место для этого.

«А когда? – захотелось выкрикнуть Самиру. – Когда будет это время и место?».

Но он только сжал кулаки.

Ильяс уставился в пол.

– Вы должны закончить мектеб. Это не обсуждается. Тебе, Самир, остался год.

Тут он не выдержал, спросил:

⁴ Смесь масла, воска и куркумы.

– А что мы будем есть? Сидеть на шее у уважаемых людей?

– Нет. Вы переедете в старую трапезную. Сегодня мы начнем ее ремонтировать. Там с Божьей помощью поселятся все, кто лишился домов в последнее время, – отец Григорий перекрестился, и за ним перекрестились остальные, Самир с задержкой.

После налета в Крепостном квартале никто не погиб, поскольку вовремя спрятались, но рухнули еще три дома, и без жилья оказалось двадцать человек. Старая трапезная, расположенная за храмом, простояла заброшенной лет тридцать, с тех времен, когда сюда приезжали паломники из Европы.

Будучи маленькими, братья несколько раз забрались внутрь, чтобы поиграть, невзирая на запрет.

– Поэтому завтра вы вернетесь в школу. А есть будете то, что пошлет Господь. Если уважаемые почувствуют, что им тяжело, – священник указал туда, где стояли сапожник и его жена, – то обратятся за помощью к общине, и мы вас не оставим. Поверьте. Сказано в Писании «Я же беден и нищ, но Господь печется о мне. Ты – помощь моя и избавитель мой, Боже мой!», но помощь эта часто подается руками людей.

Самир шмыгнул носом.

Еще год просидеть за партой в мектебе, слушая нудные выступления учителя, отца Азры? Зачем? Чтобы превратиться в такого же работягу, как сапожник Бутрос, что гнет спину над колодкой с утра до ночи? Врачом или дуктуром-адвокатом ему все равно не стать. Для этого нужны деньги. А где их взять?

– А потом? – спросил он угрюмо. – Что дальше? До смерти жить в трапезной?

– Все в руке Божьей, – отозвался отец Григорий. – Будет день – будет и пища. Сейчас – литургия. Уважаемые.

Он кивнул сапожнику и его жене, после чего вернулся за занавес.

И тут же, словно по беззвучному сигналу, в храм начали заходить люди, в углах эхом отозвалось шарканье, приглушенные голоса, замигала свечка перед образом Святого Макария Антиохийского.

– Вот так, – сказала Умм-Насиб. – Его вы, надеюсь, послушаете?

– А если нет, то клянусь своими усами... – сапожник погрозил кулаком.

Внутри у Самира кипело от возмущения и гнева, но он предпочел склонить голову – если здесь и сейчас он начнет возражать, то ни к чему хорошему это не приведет.

Раздался звон колокольчиков, и началась служба.

Отец Григорий вернулся в полном облачении, в сопровождении служки, и принялся обходить храм, читая «Отче наш». Колыхнулась завеса, обнажая внутренности алтаря, прихожане дружно опустили головы, руки поднялись для крестного знамения.

Самир делал то, что и другие, то, что повторял много лет, с того дня, когда явился сюда совсем маленьким, но сегодня ощущал себя иначе – никакого мира в душе, никакого благоговения, возвышенных мыслей.

Все священные книги, все иконы, все святые не смогли уберечь от гибели сначала отца, а потом мать с сестрой... А если так, то какой от них толк? Может быть, они просто бессильны, ничего не значат, не существуют? Что если есть только Аллах мусульман, единый и неделимый, не требующий специального обряда от тех, кто уверовал? Дающий тем, кто ему следует, силу сопротивляться, воевать, отстаивать себя с оружием в руках?

Отец Григорий во всю мощь зычного голоса, так, что вновь дрогнули свечи, произнес:

– Идеже есть Христос, седя одесную Бога Отца, туда вознесем в час сей ум, сердца и помышления наша!

Хор из мужских, женских и детских голосов ответил ему:

– И со духом твоим!

Самир промолчал, хотя и перекрестился.

– Достоинно и праведно есть исповедаться Творцу всяческих, поклоняться Ему и славить Его! – продолжил священник.

– Достоинно и праведно есть! – отозвались прихожане.

Самир вновь ничего не сказал, и поймал испуганный, растерянный взгляд Ильяса. Кивнул брату – успокойся, мол, все нормально, и перекрестился, нарочито небрежно, едва не угодив пальцем себе в глаз.

Ильяс открыл рот и заморгал.

Но тут на них обратила внимание Умм-Насиб, и Самир сделал вид, что ведет себя, как надо. Подошел к Святым Дарам в общей очереди, взял кусочек просфоры, омочил губы в чаше.

Но даже это не принесло успокоения, в голову полезли непрошенные мысли: мама никогда больше не войдет в храм, сестра не попросит взять ее на руки, чтобы лучше видеть нарядного отца Григория... те, кто лишил их жизни, сами должны умереть, должны пожалеть о том, что отважились на убийство! И тот, кто убил отца, тоже, тоже!

Это будет справедливо!

Самир вздрогнул, осознал, что читается последнее «Отче наш», и сейчас начнется проповедь.

Огляделся, пытаюсь понять, что чувствуют и думают другие.

На большинстве физиономий тупая покорность, никакого интереса, выражение тех, кто выполняет обычный ритуал, не вдумываясь в его смысл, не осознавая, что именно и зачем он делает. Шевелит губами, повторяя каждое слово, мать Азры. Рядом с ней сама Азра, истинный ангел во плоти.

У Самира потеплело на душе, но он поспешно повел взгляд дальше, дальше...

Женщины в платках искоса смотрят друг на друга. Каждая ревниво следит, не запнется ли другая, не пропустит ли момент, когда надо перекреститься или сказать «аминь», кое-кто из мужчин откровенно думает не о высоком, о том, скорее всего, где достать чечевицы или риса, чтобы прокормить семью, как заработать денег на починку дома, пострадавшего от очередной бомбежки, на подношение в ту же церковь, ведь скоро, в первое воскресенье октября, праздник освящения храма.

Если не дашь, то прослывешь нечестивым скупцом на весь Крепостной квартал, и неважно, что дома дети от голода пищат.

И это все его братья по вере?

Да, они вроде бы сохранили огонь, зажженный некогда в этих краях Севиром Антиохийским, возрожденный Иаковом Барадеем и сохраненный Григорием Вар-Гебреусом... Служба идет так же, как она шла до того, как Мухаммад записал Коран. Только ради чего? Чем еще они могут похвастаться?

Братья ли они ему на самом деле, если не хотят мстить за его родных, за единоверцев?

От этой мысли Самира затошнило, он поспешно ухватил крестик под майкой, сжал так, что острые края впились в пальцы. Попытался вслушаться в то, что говорит отец Григорий, уже начавший проповедь, разобрать смысл, но словно лбом уткнулся в путаные, сложные слова:

– Во-вторых, Всевышний Творец принял решение о явлении Своего Слова, то есть Логоса, рожденного от Него прежде всех веков без приведения в бытие подобно тому, как солнечный диск порождает свет, ум – слово и огонь – тепло, без отделения и без разделения между Рождающим и Рождаемым. Но для того чтобы те, кто увидит или услышит о соединении Логоса с плотью, не сомневались и не пугались, Он Сам, предсказывая устами Своих пророков и апостолов в ниспосланном Им Писании, охарактеризовал свое божество атрибутами, подобающими тварным существам...

Умм-Насиб слушала, склонив голову к плечу, на лбу ее залегли глубокие складки. Сапожник Бутрос жевал губами, дергал себя за бороду, ясно было, что он не понимает ничего. Старая Хава-кабила, всю жизнь бывшая повитухой, перешептывалась с соседкой.

Самир вздохнул: почему все так сложно?

– Отказывающиеся именовать Всевышнего так, как Он Сам обозначил Свое божество, пытаются обосновать мнение о Его совершенной несоизмеримости со Своими атрибутами, – продолжал священник. – Мы же утверждаем, что выражаемое в атрибутах сходство между Всевышним Творцом и Его творением имеет место в действительности, но это есть соучастие только в именах, что же до содержания самих понятий, то нет подобия между Ним и ними...

Самир нахмурился, вспомнил, как просто и однозначно звучало все в темной пустой мечети, под грохот разрывов: нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – Пророк Его... Он – Аллах Единый, Аллах ни в чем не нуждающийся. Не родил он и не был рожден, и нет никого, равного Ему.

Зачем добавлять что-то еще? Чтобы отвлечь, затемнить разум?

То ли отец Григорий почувствовал, что его не очень внимательно слушают, то ли с самого начала так задумал, но он отложил толстую старинную книгу, из которой читал, и объявил громогласно:

– Дети мои! Как сказал Господь: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас. Так что помните, что кротость есть добродетель великая...

Самира будто ударили кнутом, он вздрогнул, разом заболели ушибы, полученные в последние дни, заныли ссадины, ожила боль в левой коленке, а ведь не вспоминал о ней с вечера.

– Возлюбите? – выдавил он. – Тех гадов, которые маму? Которые бомбами? Как?!

– Тихо! – шикнула Умм-Насиб, а Ильяс ткнул брата локтем в бок, угодив прямо в пострадавшее ребро, но опоздал.

– Возлюбить убийц?! – крикнул Самир так, что услышали уже все. – Ни за что! Помните – вы же читали, что «Не думайте, что Я пришел установить мир на земле. Не мир Я принес, но меч рассекающий»? Как так!?

Отец Григорий посмотрел на него сочувственно.

– Опомнись... – прошептал сзади сапожник Бутрос, и аромат ладана на миг перебила сигаретная вонь.

– Слова Писания нужно в данном случае понимать иносказательно, – проговорил священник. – Если ты, чадо, позволишь мне довести проповедь до конца, то поймешь, что твой гнев напрасен, что его...

– Иносказательно?! – Самира трясло, он понимал, что на нем скрестились десятки осуждающих взглядов, но ему было все равно: он скажет то, что думает, и наплевать, что решат по этому поводу остальные. – Оставить наказание грешников богу! Я угадал?! Долготерпеливому к негодяям, забирающему только тех, кто в него верит, и оставляющему жить тех, кто убивает верующих! Мама ходила в церковь! И папа тоже! Помогло это им?!

Отец Григорий побагровел, ноздри его раздулись, рыжая борода стала дыбом.

– Замолчи! – рявкнул он. – Как смеешь ты осквернять святое место непотребными речами? Богохульник! Понимаю, что горе помutilo твой разум, но опомнись, сын мой!

Широкая ладонь сапожника легла на плечо Самира, но он стряхнул ее одним движением. Посмотрел в полные гнева глаза священника, не отвел, не опустил взгляда, а когда заговорил, то каждое слово отдавалось во рту, словно звон закаленного металла:

– Это вы опомнитесь! Сколько можно молиться, звать о помощи с небес!? Бесполезно! Нужно взять оружие и отомстить! Самим! Не надоело вам быть овцами?

Гнев, раскаленный и яркий, почти заполнил ту пустоту, что поселилась внутри в тот день, когда погибли мама с сестрой. Он впервые за последнее время вновь почувствовал себя полностью живым, целым, настоящим.

Краем уха слышал изумленные возгласы, но не обращал внимания.

– Вон! – гаркнул отец Григорий, взлетела его ручища, плеснул рукав облачения. – Анафема тому, кто смеет призывать к нечестию в Доме Господнем!

Самир крутнулся на месте, схватил Ильяса за руку и потащил за собой.

Тот в первый момент попытался вырваться, но почти сразу перестал сопротивляться.

– Он одержим бесом! Бедняжка! – воскликнул кто-то из женщин.

– Нет, просто сошел с ума, – возразил мужчина.

– Дурак, молодой дурак, – горько прошептал один из стариков.

Что удивительно, в этот момент Самир слышал все, что происходило вокруг, шепотки по углам, покашливание, то, как часто-часто бьется сердце Азры, прижавшей руки к груди, потрескивание свечи перед образом Святой Троицы, шуршание мыши под полом. Зато мало что видел – размытые лица, очертания человеческих фигур, наполненный светом проем двери.

– Ты более не один из нас! – продолжал бушевать отец Григорий. – Прочь! Покаешься, и только тогда сможешь вернуться в лоно церкви Христовой!

Самир остановился, через плечо глянул в ту сторону, где остался священник. Затопившая церковь тишина оказалась тяжелой, будто свинец, ее хотелось раздвинуть руками.

– А вы уверены, что я хочу вернуться? – бросил Самир, точно выплюнул, и решительно шагнул через порог.

Глава 7

На кладбище царила удушающая жара, знойный воздух окутывал кресты, размывал их очертания, а камни ограды нагрелись так, что положи ладонь – заработаешь ожог.

– Зачем мы сюда пришли? – пробурчал Ильяс. – Зверски печет, и вообще... Я же... Почему ты все это сказал? – Он всхлипнул. – Нас выгнали... Теперь с кем мы? С кем?!

– Вот тебе раз. Ты собрался реветь, словно девчонка? – Самир обернулся, посмотрел сурово.

Его так же трясло от злости, но он сдерживался, старался говорить спокойно.

– Нет! – но глаза Ильяса блестели, в уголках набухали прозрачные капли.

– Я рад, что мой брат – мужчина. – Самир улыбнулся. – И я надеюсь, что он со мной. Ведь ты со мной?

– Я не хочу, чтобы без никого... – сказал Ильяс. – Мама теперь нет, мы вдвоем... Теперь еще и из церкви выгнали! Зачем ты такое говорил? Я не понимаю, брат!

– Они все трусы! – заявил Самир. – Ты ведь хочешь отомстить убийцам мамы? Убийцам отца?

Ильяс замялся, принялся скрести подбородок, оттопыренные уши его покраснели.

– Ну... я не знаю... – протянул он. – Если даже хочу, зачем кричать в церкви? Ругаться с отцом Григорием? Я хочу быть сильным... чтобы никто не обижал...

– А что, безропотно слушать его сказки?! Ты... – Самир понял, что кричит, и осекся, сжал кулаки и потряс ими перед лицом. – Они много лет талдычат одно и то же! Подумай, вот те, кто сбрасывает на нас бомбы – они ведь тоже христиане? Так?

Когда-то давно спросил об этом папу, и тот объяснил, что да, хозяева бомб, ракет и самолетов тоже ходят в церкви, но крестятся иначе, а молитвы читают на собственных языках или на латыни. Самир тогда не совсем понял, в чем разница, и как одни христиане могут убивать других.

Много позже он выяснил, что это только у них в Машрике христианские общины, и марониты, и армяне, и греки-православные – небольшие, разбросаны по разным городам и живут в мире, тогда как в соседнем Ливане все друг с другом спорят, и каждый считает свою веру истинной, а уж в Европе и Америке есть еще всякие католики с протестантами.

– Ну, они... – Ильяс почесал макушку, губы сложил уточкой, как всегда в задумчивости. – Я не знаю... ну да...

– Но ведь они нам враги! Они убили маму и сестру!

На этот вопрос Ильяс ответил куда быстрее и с большей уверенностью:

– Да!

– Так выходит, что христиане – враги нам с тобой? – осведомился Самир.

Брови Ильяса поползли вверх, глаза, все еще влажные, наполнило недоумение.

– Нет... Они же... но как?

– Пойдем, – Самир взял брата за руку, как в церкви, повел за собой, туда, где торчали два не так давно поставленных креста. – Если это не доказательство, то что тогда?

Сам понял, что внутри помимо злости и обиды есть еще и боль, и горе, такие же слезы, как и у Ильяса, что он до сих пор как следует не оплакал ни мать, ни сестру, спрятал печаль очень глубоко, запер на замок...

Но не время сейчас думать об этом!

На горе будет время потом. Сначала другое, важное!

– Их убили христиане, да, – сказал Ильяс, глядя на могилы так, словно видел их впервые. – Но мы ничего не можем им сделать! Давай уедем отсюда! Давай уедем! Далек, туда, где христиане не убивают друг друга!

– А есть ли такое место на земле? – спросил Самир с горечью. – Куда нам ехать? Кафр Касем?

– Нет, в другую страну!

За те пять лет, что их Машрик бомбили, многие из Крепостного квартала уехали. Некоторые в Ливан, где сейчас тихо, другие в Турцию, третьи и вовсе в разные государства Европы. Тот же Кошачий переулок опустел целиком, там остались лишь двое стариков, и те умерли в прошлом году, один сам, а другой не успел спрятаться и его срубило осколком.

– Уехать? Убежать? – Самир стиснул кулаки так, что захрустели костяшки пальцев. – Не отомстив за отца? Его-то убийца здесь, в Машрике, или даже в городе! У нас долг!

Горячая волна накрыла его с головой, захотелось кинуться на врага, на какого угодно, лишь бы он только оказался рядом – пилот самолета, сбросившего бомбу на их квартал, или тот негодяй, что выстрелил в отца – стиснуть горло, бить до тех пор, пока не останется ничего, кроме кровавой каши!

Понял, что дышит тяжело, по лицу текут горячие капли, волосы слиплись от пота.

Ильяс смотрел на брата испуганно.

– Мы должны узнать, кто это сделал, и убить его, – Самир старался говорить спокойно, но слова вырывались изо рта, точно искры из пламени, раскаленные, злобные. – А для этого остаться здесь. Ведь никто из тех, кто уехал, не возвращается. Вспомни! Ну!

Многие клялись, что покидают родину ненадолго, тот же Юнус-часовщик, старый друг отца. Но от него не было ни слуха, ни духа вот уже два года, хотя перебрался он не так далеко, в Иорданию.

– И для того, чтобы отомстить, я пойду на все, – продолжил Самир чуть спокойнее. – Приму ислам, стану одним из «Детей Аллаха». – Он хотел пошутить, но понял, что шутка вышла несмешной, поскольку Ильяс вздрогнул и отшатнулся. – И я надеюсь, ты со мной? Брат ты мне или нет?

Лицо Ильяса исказилось, он отступил, бросил отчаянный взгляд туда, где над домами поднимался крест церкви.

Самир требовательно вытянул руку:

– Ты со мной? Если нет, то ты мне больше не брат!

– Я не... Оно само... – Тут Ильяс глубоко вздохнул и заговорил много решительнее: – С тобой. Мы одна семья.

И положил свою ладонь на ладонь брата.

От этого прикосновения Самир ощутил себя невероятно сильным, поверил в то, что теперь они одолеют все препятствия, даже самые тяжелые, победят кого угодно, всех людей не только Крепостного квартала, но и целой столицы, и, в конце концов, добьются своего!

Глава 8

Паук ждал Самира там, где они расстались три дня назад, – около ларька, и рядом с ним топтались двое мальчишек из своры.

Мелькнула мысль, что он зря пошел сегодня в город, что можно было остаться. Отправиться вместе с Ильясом в мектеб, изобразить покорность, пусть на несколько дней, все равно им не надо беспокоиться о еде, поскольку всех, кто поселился в старой трапезной, пусть два раза в день и невкусно, но кормят.

Братьям достался угол, отгороженный двумя занавесками, с парой соломенных тюфяков на полу. На стене обнаружился портрет толстого усатого человека в пиджаке, над головой которого красовалась надпись «Арабская нация едина, а миссия ее бессмертна».

Но Самир отогнал трусливые мысли, расправил плечи и даже не замедлил шага.

Лицо Паука украсила гаденькая ухмылочка, один из его приятелей недоуменно заморгал, другой наморщил лоб, силясь понять, чего это христианин-свиноед сам идет к ним в руки.

– Вот и он, – сказал Паук. – Старые синяки зажили, хочешь новых, придурок?

– А ты хочешь снова встретиться с «Детьми Аллаха»? – поинтересовался в ответ Самир и испытал приступ острого наслаждения, увидев, как лицо его врага исказилось, а глаза забегали.

Нет, Паук не забыл, как Наджиб парой пинков разогнал его свору.

Самир шагал вперед, как ни в чем не бывало, словно сам держал автомат, а спину ему прикрывали вооруженные соратники, смелые, никого и ничего не боящиеся, даже самолетов с ракетами, не то что какой-то там мелкой швали из двенадцатников.

И Паук не выдержал.

– Уходим, – бросил он, срываясь с места. – Но мы еще поквитаемся с тобой! Проваливай, собака христианская!

Но сам понесся прочь так, что пятки засверкали.

А Самир миновал контору махзуна, куда, как обычно, стояла очередь, и зашел в лавку под вывеской «Табак».

– Нет силы и могущества, кроме как у Аллаха! – воскликнул горбатый торговец, услышав приветствие. – Мир изменчив, один день приносит медовую сладость, а следующий – луковую горечь! Рахим больше не ждал увидеть тебя в своей лавке, юноша!

Самир полагал, что его отправят на улицу, заманивать покупателей, но торговец помянул мальчишку за собой. Они обогнули прилавок, щелкнул выключатель, и вспыхнувшая под потолком пыльная лампочка осветила крохотную комнатку, заваленную коробками и ящиками.

Тут властвовал сладкий аромат табака.

– Иншалла, юноша, – проговорил Рахим. – Все просят у Рахима гаванских сигар. Только где взять их, если последняя партия пришла в хранимый Аллахом Машрик пять лет назад? Рахиму приходится кое-что придумывать... – Зашелкали зернышки тасбиха. – Пусть простит меня Великодушный, Обогащающий, Вседарящий Владыка Царства. Рахиму приходится делать сигары самому...

И вскоре Самир узнал, как из пластиковых трубочек, колпачков и табачных листьев, выращенных совсем не на Кубе, делать «настоящие гаванские сигары».

– Пробуй, юноша, – сказал торговец, перебирая четки. – А я пригляжу за тобой. Сделаем так, чтобы сам вали не побрезговал, затянулся бы и сказал: «Ах, как прекрасно! Воистину, лучших не сыскать от Стамбула до Багдада!»

Первую сигару Самир испортил, зато со второй все у него получилось как нужно. Рахим придирчиво изучил ее и кивнул, а затем уселся на табурет у двери, изредка выглядывая в лавку, проверяя, не пришел ли кто.

Сегодня на горбатого торговца накалило желание поговорить.

– Ты знаешь, юноша, Рахим платит закят «Детям Аллаха», да и все у нас платят. Попробуй, откажись? Но я не жалею, я рад, что такие, как они, есть в нашей стране. Многие считают их жестокими головорезами... но это не так, видит Всевышний!

Самир удивился – вовсе не ждал от хозяина табачной лавки такой пылкости.

Обычно тот говорил очень медленно, словно обмазывал каждое слово в меду, но сейчас его голос звучал без льстивых, заискивающих интонаций, звучал искренне.

– Они бесстрашно сражаются с нашими врагами, с проклятыми крестоносцами! – продолжил тот, забыв, по всей видимости, что сидящий рядом с ним юноша тоже носит крест на шее. – Не бояться никого, и если так пойдет дальше, восстановят великое исламское государство, основанное Мухаммадом, да ниспошлет ему Аллах благословение и мир! А кроме того, я вижу, куда идут мои деньги... В этом году открыли два мектеба. Первый в Белом квартале, а второй – в Умм аль-Фахм. Ты знаешь, что это «Партия обездоленных», а точнее – «Дети Аллаха» помогли городу восстановить систему водоснабжения, разрушенную западными дьяволами, да покарает их Всевышний?

Самир покачал головой – он этого не знал.

Всегда думал, что «Дети Аллаха» только стреляют, режут и взрывают, да еще охраняют политиков из «Партии обездоленных», когда тем надо выступить перед народом. Конечно, он помнил тот день, когда после очередного налета вода перестала течь из кранов, и как пришлось таскаться к старой колонке возле мазара, стоять в длинной очереди на жаре, держа бидоны, и слушать ругательства, которыми обменивались соседи.

Через несколько дней вода появилась снова, и вали, управляющий столицей, из двенадцатников, долго выступал по телевизору, рассказывая, как много он и его люди сделали для того, чтобы устранить повреждения...

– Я не говорю о школах Махди, которые они создают в деревнях по всей стране! – Рахим покачал головой, поднял руки к лицу, как во время молитвы. – Все там бесплатно! Они кормят престарелых и больных, помогают отстраивать дома после бомбежек... Иншалла!

В лавку кто-то вошел, и горбатый торговец торопливо поднялся, стукнула прикрытая дверь. Самир остался на крохотном складе один, под светом тусклой лампочки, с очередной «гаванской сигарой» в руках.

Но едва закончил ее и положил в деревянную коробочку с крышечкой на петлях, как Рахим вернулся.

– Портреты героев джихада, которые они ставят на улицах, ты наверняка видел, – сказал он.

Да, в Рыночном квартале порой встречались огромные фотографии бородачей с автоматами: они улыбались и держали оружие так, словно вот-вот пустят его в ход. Наверняка еще больше таких штукювин попадалось в Белом квартале, где «Дети Аллаха» властвовали безраздельно, но там Самир не бывал.

– Они напоминают нам о героях прошлого, о тех, кто отстаивал нашу землю. Оборонял ее от врагов, да покарает их Аллах! Рахим сам хотел бы встать в ряды бойцов! – Тут горбатый торговец переборщил, ясно было, что он доволен своей лавкой, что ни за какие сладости не оставит ее, да и выглядел он слишком старым и слабым, чтобы взять в руки оружие. – Но, увы, к другим обратился призыв Изз ад-Дин Аль-Кассам, сказавший «Умрите мучениками за страну!», другие займут место Рашида ад-Дина Синана, так и не вышедшего из пещеры в Кафе, куда он удалился...

Сказок про Рашид ад-Дина Синана Самир слышал множество, и про то, как тот посрамил жадного кади, как повелел хозяину дома, где остановился, не резать быка, как добыл воду в пустыне и указал неверную дорогу войску завоевателей, пришедших в Машрик с востока, из бескрайних степей.

Но никогда не думал, что тот как-то связан с «Детями Аллаха».

Рахим продолжал рассказывать о специальных магазинах, где торгуют дешевыми исламскими книгами для детей, о курсах для подростков из Белого квартала, на которых их учат любить страну, правильно молиться и владеть оружием, о трудовых и спортивных лагерях, о неустанных трудах «Детей Аллаха» на благо родины и веры...

Название, близкое к многобожию, торговца не смущало.

Но Самир дальше не слушал, его мысли уплыли прочь: вот если бы он сам был могуч, как Синан, и умел творить волшебство, то первым делом закрыл бы страну волшебным щитом, чтобы проклятые самолеты разбивались о него и не смели бросать бомбы!

Или воскресил погибших родичей, чтобы избавиться от боли и отчаяния, что свили гнездо внутри и не желали уходить.

– Эй, что ты делаешь, помилуй тебя Аллах?! – от окрика Самир вздрогнул, обнаружил, что замечтался, и вместо сигары у него получилось нечто вроде розетки из табачных листьев.

– Я исправлю, уважаемый! Я исправлю! – поспешно затараторил он.

Из лавки горбатого Рахима Самир вышел, оставив хозяина готовиться к вечерней молитве. И в вечной очереди к махзуну неожиданно для себя обнаружил Азру с матерью.

– Э... мир вам... – пробормотал он растерянно.

После воскресной службы, что закончилась так неожиданно, Самир почти ни с кем из соседей не общался.

Понятно, что Умм-Насиб и Бутрос устроили братьям вечером головомойку, но из дома не выставили. А на следующий день помогли перебраться в старую трапезную, которую спешно начали ремонтировать, переделывать под жилье для тех, кто недавно лишился собственного.

Они с Ильясом обустроивали свой угол, помогали выносить мусор и оборудовать кухню. На них посматривали косо, но случай в церкви никто не вспоминал.

– Ох! Миртебе! – воскликнула мать Азры. – Самир! Чтоты здесьделаешь?!

«А вы?» – очень хотелось спросить ему, но вопрос прозвучал бы невежливо. Уклониться от ответа тоже невозможно, и поэтому Самир признался:

– Ну... я... работал...

– Ах! Да? – Мать Азры нахмурилась рассеянно.

Сама же Азра улыбнулась, и Самира с одной стороны обдало привычным теплом, а с другой – ему стало стыдно, ведь последний раз она видела его два дня назад, когда он кричал на отца Григория.

– Ну... я... пошел... – пробормотал он, отводя взгляд.

– Как же так? Подожди. – Азра посмотрела на мать. – Мы поговорим, можно?

Понятно, что они не в Черном квартале, где на девочку в десять лет надевают никаб и запрещают видеть других мужчин, кроме отца и братьев, но приличия есть приличия, и их нужно соблюдать.

– Что? Да конечно! Нобыстро! Наша очередьскоро!

– Конечно, – и Азра с Самиром отошли на другую сторону улицы, к ларьку.

– Что вы тут делаете? – спросил он шепотом.

– Да ну, ерунда какая-то с документами, – ответила она, глядя на него изучающе. – Скажи, ты ведь собираешься покаяться и извиниться?

– Нет! – выпалил Самир, не подумав, и вздрогнул, поскольку лицо Азры исказилось, словно от сильной боли.

Лучше бы он позволил ударить себя!

– Но почему? Ты же вел себя в церкви недостойно, – сказала она. – Ты покайся. Подойди к отцу Григорию, и...

– Чтобы он меня наказал? Заставил молиться? – перебил ее Самир. – Никогда! Правду я тогда сказал! Понимаешь – правду! Они все трусы!

Азра заморгала чаще, стиснула руки у груди, глаза ее заблестели.

– И что ты будешь делать!?! – воскликнула она. – Один!?

– Почему один? Со мной Ильяс.

– Он еще ребенок!

– Он мой брат. – Самир покачал головой: ему очень хотелось взять ее за руку, но он знал, что на глазах у посторонних делать этого нельзя. – Почему ты не понимаешь? Почему мы должны терпеть?

Отчаяние от того, что ему не хватало слов, мешалось внутри с желанием ее убедить, привлечь на свою сторону, сделать так, чтобы она поверила, и к этому добавлялся гнев на тех, кто продолжает твердить о кротости, когда на его дом падают бомбы, а соседи и родные гибнут!

– Потому что Христос...

– Но он же выгнал торговцев из храма, так? Почему-то не стал проявлять смирение! – Сам удивился, но вспомнил кое-что из того, что рассказывал на уроках закона Божьего отец Григорий.

Азра покачала головой:

– Это совсем другое!

– Нет, то же самое! Я хочу отомстить тем, кто убил папу, и маму, и сестренку! Поверь, я это сделаю!

Тут ее брови сошлись к переносице, а зеленовато-желтые глаза потемнели.

– Как же так? – произнесла она горько, без обычной мягкости, и ни следа улыбки не осталось на белом лице. – Ну и оставайся тогда один! Не подходи ко мне больше! Богохульник!

Резко повернувшись, так что взметнулся подол длинной юбки, Азра зашагала туда, где ждала ее мать. А Самир, разгоряченный, тяжело дышащий, со сжатыми кулаками, остался стоять в одиночестве.

Глава 9

Имам Старой мечети был молод, не старше тридцати, на гладком лице блестели угольно-черные глаза, тауб⁵ оттопыривало округлое брюшко, на нем лежали сплетенные ладони. Смотрел имам на Самира без дружелюбия, даже подозрительно, и морщил выдающийся нос.

– Так значит, ты хочешь принять ислам? – спросил он после паузы, затянувшейся, как показалось Самире, на полчаса.

– Да, – ответил тот, прилагая все силы, чтобы голос не дрожал.

Сегодня он ушел из лавки горбатого Рахима раньше обычного, но отправился не домой, как всегда, а за крепостную стену, в Старый квартал, туда, где живут сунниты. Собрался с духом, зашел в мечеть, построенную еще при халифах, и у самого входа наткнулся на имама.

– Почему? – спросил тот.

– Ну... – Самир замялся, мысли замельтешили в голове, точно мотыльки над огнем.

Сказать правду? Что поспорился с общиной, хочет мести за родных!? Невозможно! Если имам услышит такое, то немедленно прогонит мальчишку.

Сочинить что-то? Но что? Почему он не задумался об этом раньше?

– Ты же из яковитов, – сказал имам, указывая туда, где под майкой Самира болтался кипарисовый крестик. – А они держатся своей веры крепче, чем остальные христиане. Странно это.

Они разговаривали, стоя у стены внутри мечети, неподалеку от входа, мимо проходили люди, обувались и разувались, приветствовали имама, тарасились на Самира, словно он был пауком с восемью ногами или трехговым человеком, и ему становилось все неудобнее.

– Я... ну... – пробормотал он, теребя крестик.

А ведь как-то не подумал, что с ним придется расстаться, если перейти в другую веру! Но ведь это не просто символ, это память об отце, о тех временах, когда у них имелся дом, настоящая семья!

– Хорошо, – имам вздохнул. – Что ты знаешь о пяти столпах нашей веры?

Пять столпов? Сторож в мечети шейха Мансура ничего подобного не говорил!

– Нет Бога кроме Аллаха... – Самир сам понял, что говорит неуверенно, и замолчал.

– Шахаду ты слышал, это хорошо, – подозрительности во взгляде имама не стало меньше. – Только ведомо ли тебе, как и когда совершать молитву, каково ритуальное омовение перед ней, готов ли ты пойти в паломничество к Двум Святыням, соблюдать пост в священный рамадан, и вносить закят на благо тех, кто не может сам прокормить себя? Ведомо ли тебе, что значит быть истинным рабом Аллаха, покоряться его воле?

Быть рабом Самир не хотел, и выражение «рабы Божьи», которое он не раз слышал в церкви, ему всегда не нравилось.

– Я... мне хочется... – начал он.

– А мне кажется, что все это не очень умная шутка! Стыдись, юный яковит! Замесил некто все это на дрожжах ифритов, и подослал тебя к нам, чтобы посмеяться! – Имам больше не скрывал гнева, глаза его сузились, лицо потемнело, он наклонился вперед. – Неужели твои единоверцы? Воистину, те, кто не уверовал, не уверуют и впредь, ведь все равно им, увещевал ты их или не увещевал! Сердце и слух их запечатал Аллах, а на глазах у них – пелена, и уготовано им великое наказание!

– Но я... – попытался возразить Самир.

– Даже если нет, то где ты возьмешь двух достойных уважения мужей из правоверных, что станут тебе свидетелями? – и имам обвел рукой мечеть, в этот момент, когда одна молитва

⁵ Традиционная арабская верхняя одежда.

закончилась, а другая еще не начиналась, почти совсем пустую. – Ответь мне, кто поручится за тебя? Одной шахады, как ты должен знать, недостаточно.

Самира трясло от обиды и возмущения, он задыхался... Почему ему не верят, ведь он пришел сюда искренне, хотел обо всем узнать, а его встретили точно врага, словно вора или шпиона?

– Уходи, юный яковит, – имам заговорил тише. – И не возвращайся сюда больше.

Он сделал повелительный жест.

Самир развернулся, зашагал туда, где оставил кроссовки, ничего не видя перед собой. Не сразу смог завязать шнурки, услышал за спиной обидный смех, и от этого разозлился еще больше, на улицу выскочил кипящий, словно забытый на плите чайник.

Из одной общины его выгнали, в другую не хотят брать!

Неужели он на самом деле обречен на то, чтобы остаться в одиночестве?

Но одному, без поддержки, в Машрике человеку не выжить. Даже монаху-анакорету, поселившемуся в горном монастыре, нужны приношения, без них он умрет с голоду, да и молит Господа он не ради себя, а за тех людей, что несут к нему беды и горести...

Шагая по улицам, Самир понемногу успокоился, а потом вспомнил, что у него есть знакомый мусульманин, достойный доверия – может быть, он согласится выступить свидетелем, если в том возникнет нужда?

Жалко, что тогда не спросил его имени. Но это можно сделать и сейчас.

И он повернул в сторону мечети шейха Мансура, такой маленькой и скромной по сравнению со Старой.

– А, это ты, любопытный, – проговорил сторож, увидев Самира во дворе храма. – Проходи, располагайся, во имя Аллаха, который, как известно, с терпеливыми. Рассказывай, как твое колено?

– Спасибо, хорошо. – Самир замялся, не зная, как начать разговор, а потом решил, что терять ему нечего, и выпалил. – Если я вдруг захочу сделаться мусульманином, вы сможете стать... ну, этим стать... свидетелем для меня?

Старик усмехнулся, огладил седую бороду.

– Чудно. Принадлежат Аллаху и Восток, и Запад, – сказал он. – Нет, я откажусь.

Самир ощутил, что ему не хватает воздуха, грудь сдавило:

– Но почему? – ухитрился произнести он, и сам разозлился, поняв, что голос дрожит от обиды.

– О таких вещах не говорят на ходу, – старик покачал головой. – Подожди меня. Присядь вон там.

Крохотный дворик окружала галерея, и в ее сени имелись лавочки, одну из них и занял Самир. Сторож ушел внутрь мечети, но быстро вернулся, уселся рядом, и некоторое время они сидели в сумраке, неподвижно и молча.

Слышно было, как в кустах жасмина за мечетью поет какая-то птица.

– Ты не готов, – сказал наконец старик. – Твое желание идет не от глубин сердца. Покинуть веру отцов и обратиться к другой, пусть даже истинной... уверен ли ты, что хочешь именно этого?

– Да! – выпалил Самир.

Если христиане только и годятся на то, чтобы жаловаться, молиться и унижаться, позволяя всем вокруг бить себя и убивать, то он... он больше не хочет быть одним из них!

– Вот об этом я и говорю, да поможет тебе Аллах вразумлением. – Сторож вздохнул. – Для начала тебе нужно прочитать одно из сира, жизнеописаний Посланника Аллаха, да ниспошлет ему Аллах благословение и мир... Например, труд почтенного Ибн Хишама...

Самир нахмурился – и тут скучные, унылые книги, как и у отца Григория!

– Почему вы называете себя «рабами Аллаха»? – поинтересовался он, вспоминая слова имама Старой мечети. – Это значит, что вы лишены свободы, что ее нет в исламе?

– Совсем нет, – старик огладил бороду. – Слова «раб» и «поклонение» происходят от одного корня⁶, и поэтому первое означает не отрицание свободы, а почитание. Принявший Закон почитает Господа своего, он привязан к нему истинным поклонением. «Рабом» в этом значении называется не тот, кто закрепощен и лишен свободы воли, а тот, кто способен осуществлять поклонение Аллаху, кто может это делать, умеет это делать и делает это по собственной воле.

Самир почесал правое ухо: мудрено, но вроде понятно.

– А поклонение не может быть по принуждению, оно должно совершаться по решению самого человека. – Сторож говорил серьезно, не растолковывал простые вещи глупому мальчишке, а объяснял сложные вещи другому взрослому, чуть менее сведущему в них. – И человек сам решает, совершать ему поклонение или нет. Понимаешь ли ты меня, о, любопытный?

Самир глянул на собеседника, пытаясь понять – насмехается ли тот над ним?

Но тот выглядел почти торжественным, и, как всегда в его компании, казалось, что они находятся в каком-то другом мире, не совсем реальном, далеком от обычного Машрика.

– Знаешь ли ты, когда придет момент тебе обратиться к подобному почитанию? – спросил сторож.

– Ну-у...

– Был ли ты когда-нибудь в смертельной опасности, в такой, чтобы люди не могли помочь тебе?

– Да, – Самир вспомнил одну из первых бомбежек, когда они еще не знали, как себя вести, и внезапный налет застал его на площади Независимости: вокруг поднимаются столбы дыма и огня, летят осколки металла и куски камня, а до ближайшего здания метров тридцать.

– Устремлялось ли в тот момент твое сердце к спасению?

Самир просто кивнул: еще как устремлялось!

– Вот когда ты будешь тянуться к Аллаху так же, как в тот момент тянулся к спасению, искать помощи в нем в любой момент, тогда и наступит для тебя пора, – торжественно объявил старик.

Некоторое время они сидели в молчании.

– Кроме жизнеописания тебе будет неплохо заглянуть и в Священный Коран, – продолжил сторож. – Его ниспослали почти полторы тысячи лет назад, но мудрости в нем куда больше, чем во всех современных книгах. Не думай, что там содержатся ответы на все вопросы, что появились у людей, начиная от пророка Адама, мир ему, и появятся до Страшного суда. Просто Коран описывает человеческую природу, а она, какой была при наших праотцах, такой же останется и до последнего часа.

– Ну да. – Самир вздохнул, почесал лоб.

Раздражение и гнев ушли, остался только след обиды на то, что его вот так взяли и выгнали, не приняли всерьез.

– Не думай, что я хочу тебя отговорить, но, как ты уже не раз от меня слышал... – старик рассмеялся. – Воистину, Аллах с терпеливыми, поэтому не спеши, не суетись. Помни о божественном предопределении, которое, как известно, бывает двух видов...

Самир и сам не понимал, зачем слушает про категоричное и неизбежное предопределение, и про обусловленное предопределение, в котором одна определенность после неких поступков человека сменяется другой. Но в то же время он не помнил, чтобы с таким вниманием относился к урокам отца Азры или наставлениям священника.

⁶ В арабском языке.

Грозно и мрачно в вечерней тишине звучали стихи Корана, которые читал старик: «а мощь и милость Его Щедрости раскрыты! Дарует Он сколько пожелает!» и «Отменяет Господь и утверждает из предписаний то, что пожелает, хранится у него Матерь Писания!».

А потом он замолчал и лукаво посмотрел на Самира:

– Да ты уже засыпаешь. Иди домой, наверняка тебя там ждут. Приходи еще. Побеседуем... и когда-нибудь, возможно, я стану одним из тех, кто выслушает твою шахаду, о любопытный, и скажет «свидетельствую», иншалла!

Глава 10

Ильяс делал домашнее задание по английскому языку, как всегда, вполглаза. Другие уроки давались ему не так просто, но вот чужие слова он заучивал легко, запоминал правила и неизменно приводил в восторг учителя произношением.

Самир даже иногда завидовал брату, сам он с английским мучился с первого дня.

– Who is she? – читал Ильяс, лежа на животе, и одним глазом смотрел в комикс на полу: огромные роботы, крохотные здания, разбегающиеся люди, очередной супергерой. – She is my sister. I like her. Her name is Anna.

Самир поморщился.

Этот комикс попал к ним с запада, оттуда же, откуда летели самолеты с бомбами. Может быть, это тоже оружие, только нацеленное на то, чтобы поразить не тела, а души? Яркие картинки, завлекательные, но бессмысленные и бездуховные истории...

За занавеской, отделявшей их отсек от коридора, послышались шаги, радостные возгласы. Самир показалось, что он услышал голос Азры, торопливо сел на тюфяке, пригладил волосы.

– She is twelve years old... – Ильяс поднял голову. – Ты чего?

Торопливая, спотыкающаяся речь матери Азры, а вот и ее собственный голос. Интересно, что они забыли в старой трапезной? Пришли в гости к кому-то из соседей?

– Тук-тук, – сказали прямо за их занавеской. – Можно к вам?

Умм-Насиб!

– Да, конечно, уважаемая! – Самир вскочил. – Мир вам!

Он так и не ходил в мектеб, и наверняка его опять будут за это ругать, но не пустить ту, что приютила их после смерти матери и кормила несколько дней, будто собственных сыновей...

Невозможно!

– И вам мир. – Умм-Насиб заглянула внутрь, стало видно, что в руках у нее большой пакет. – Вот, держите, наши единоверцы из Европы прислали, на всех должно хватить. Да воздаст им Святой Иоанн Милостивец! Крупы, сахар и муку мы отнесли на кухню... Берите-берите!

– Спасибо, – Самир взял пакет, ощутил, насколько тот увесистый.

Ильяс вскочил, тут же залез внутрь, вытащил шоколадку в цветастой обертке. Раздалось шуршание, а следом за ним – сочное чавканье, через которое пробились неразборчивые слова благодарности.

– Кушайте, – сказала Умм-Насиб. – Пойду к остальным.

Она ушла, занавеска вернулась на место, но Самир убедился, что ему не показалось, что у входа в соседнюю «комнату» и вправду стоит Азра. Заглянул в пакет – сплошь яркие упаковки, внутри наверняка еда, но опознать можно только шоколадки.

– Вот тебе раз, – буркнул он. – Все не съедай только.

Опустил пакет на пол, и вышел в «коридор».

– Привет, – сказал он Азре, но та сделала вид, что не услышала, поправила выбившийся из-под платка локон.

– Привет, – повторил Самир. – Извини, я не хотел... ну, с тобой ссориться...

Тут она сделала вид, что только его заметила, и кивнула с небрежным высокомерием.

– Ну... я... – Он откровенно не знал, о чем говорить. Было стыдно, что не сдержался, когда они встретились в Рыночном квартале. Мог бы сделать вид, что собирается покаяться. – С чего вдруг нам... прислали из Европы... так много всего, ты не знаешь?

– Знаю, но тебе не скажу, – заявила Азра, но в следующий момент не выдержала, улыбнулась. – Ведь ты сходишь к отцу Григорию? Ты извинишься, и все будет хорошо? Тогда я насела на тебя... Надо было по-доброму.

Самир пожал плечами.

Он знал, что к священнику не пойдет, не станет просить прощения за то, что высказал собственные мысли.

– А, вотион? – Из «комнаты», где поселили старую Фадилу, появилась мать Азры. – Пойдем, дочь.

И она зашагала к выходу, Азра еще раз улыбнулась Самиру, махнула и заторопилась следом. Он потеревил правое ухо и вздохнул, думая, что с ней-то он ссориться не желал и не желает. Но как быть с остальными?

Хотел уже вернуться в комнату, но тут снаружи донесся грохот очереди и крики.

Занавеска отлетела в сторону, появился Ильяс – пальцы и лицо перемазаны шоколадом, в глазах паника.

– Сиди тут! – велел Самир, бросаясь туда, куда только что ушли Азра с матерью.

Он мужчина, он должен узнать, что там за опасность, и, если надо, встать между ней и женщинами!

Вылетел наружу, под черное вечернее небо, едва не споткнулся на первом шаге. Бросился в обход церкви, к площади, откуда доносились крики, обогнул угол, и налетел на огромного человека, пахнущего металлом и порохом.

– Прочь! – взревел тот, тяжелый кулак врезался Самиру в ухо, в голове зазвенело, перед глазами заплясали звезды.

Как удержался на ногах, сам не понял, но от второго удара сумел уклониться.

А потом гигантский человек неожиданно расхохотался, блеснул золотой зуб в черной с серебром бороде.

– Вот это да! – проревел Наджиб, отводя в сторону автомат и улыбаясь. – Мальчишка-христианин, отважный, словно сам Лев Аллаха! Еще чуть, и я пристрелил бы тебя, как собаку! Ты так же смел, как и твой отец, Абд-аль-Малак, перед лицом смерти!

Самир вздрогнул, пытаясь собраться с мыслями.

Что... неужели командир «Детей Аллаха» видел отца в тот момент, когда его?.. Тогда, может быть, это он?..

– Отойди, не лезь под руку! – Наджиб схватил Самира за плечо и отшвырнул прочь. – Тут сейчас будет горячо во имя Махди, да ускорит Аллах его приход!

Автомат его поднялся, и трассирующие пули красивой гирляндой ушли во тьму. Самир едва не оглох от грохота, торопливо шагнул назад, все же споткнулся и упал, ободрав локти и ударившись задницей.

Прямо в двери церкви бил свет фар стоящего посреди площади джипа. Виднелся силуэт пулемета и человека над ним. Вокруг толпились люди, слышался треск ломаемого дерева, испуганные и полные страха крики, одиночные выстрелы и отдаленный гогот.

«Дети Аллаха»? Что им нужно в Крепостном квартале?

– Этого не трогать, – бросил Наджиб одному из телохранителей, и зашагал к церкви. – А ну, выходи, многобожник! Или ты хочешь, чтобы мы начали убивать, аа?!

Зычный голос его отдался эхом в уходящих от площади переулках.

Самир увидел, как один из автоматчиков схватил за волосы и швырнул на землю визжавшую женщину. Мужчина в черном пиджаке попытался закрыть ее собой, но получил прикладом по лицу, потом в живот и скорчился на земле, по его прижатым ко лбу рукам заструилась кровь.

«Азра! Нет!» – подумал Самир.

Что случится, если она попадет в руки чужаков?

Грохнул выстрел, ответом на него стали несколько очередей.

– Что там? – спросил Наджиб, не повернув головы.

Самир смотрел на него, и водоворот чувств тянул его в противоположные стороны – с одной стороны, он ненавидел этого человека, с оружием пришедшего в Крепостной квартал, чтобы творить зло, и, возможно, увившего его собственного отца, а с другой – восхищался тем, кто не боится в этом мире никого и ничего, и готов сражаться за свои идеи с кем угодно.

– У старого придурка было ружье! – ответили из тьмы. – Слава Аллаху, с ним все! Больше не выстрелит!

– Любит Аллах богобоязненных! – провозгласил Наджиб. – Выходи, многобожник!

Вспыхнул факел в руках одного из «Детей Аллаха», второй, третий, сразу несколько. Дрожащий багровый свет осветил таких же дрожащих, перепуганных людей, теснившихся у стен.

Их выволакивали из жилищ, грубо тащили за собой, пихали стволами в спины.

– Азра! – закричал Самир, увидев ее в объятиях матери, и рядом отца-учителя: блестят очки, съехавшие на сторону, губа разбита, шея согнута, взгляд направлен в землю. – Азра...

Голос подвел его, превратился в сип, а в следующий момент что-то случилось и с эмоциями, они исчезли, прихватив с собой мысли. Остались только слух, зрение и прочие органы чувств, обострившиеся до предела так, что он мог видеть буквы на бандане Наджиба, ощущать выхлоп от джипа и слышать, как испуганно всхлипывает один из оставшихся в доме детей.

Двери церкви распахнулись, и отец Григорий шагнул наружу, черное одеяние его колыхнулось, рыжая борода полыхнула в свете факелов.

– Что тебе нужно?! – мощный голос священника не уступал рыку Наджиба.

Тот заулыбался, видя перед собой достойного противника.

– Со времен Нур ад-Дина, да осыплет его Аллах в раю тысячами милостей, вы, проклятые многобожники, мешаете Машрику стать истинно исламским государством, – сказал Наджиб. – Почему вам было не обратиться отсюда с французами в сорок шестом, аа?

– Ты явился ради урока истории, хариджит? – холодно спросил отец Григорий. – Тогда проведи его для собственных бойцов. Наши предки жили здесь еще тогда, ког...

Слова его перекрыл треск очереди.

Пули впились в землю у самых ног священника, но тот не дрогнул, не отступил. Заработал пулемет на джипе, очередь хлестнула по церкви, зазвенели выбитые стекла, полетела каменная крошка.

Кто-то из женщин заголосил так, что вопли перекрыли даже грохот стрельбы.

– Умничать будешь потом, многобожник, – Наджиб стремительно поменял обойму. – Всем добрым людям известно, что вы, поклоняющиеся кресту, вошли в союз с нашими врагами, с теми, кто бомбит наш родной Машрик, продались единоверцам с Запада...

Один из бойцов «Детей Аллаха» бросил на освещенный пяточок пакет, – точно такой Самир держал в руке пятнадцать минут назад, – тот лопнул, обнажая яркие упаковки с надписями латиницей.

– Но это... – начал отец Григорий.

На этот раз прозвучал одиночный выстрел, зато пуля прошла рядом с ухом священника, выбила искру из стены церкви.

– То есть предали нас, – Наджиб говорил неторопливо, с ленцой. – Разве не так? Видит Аллах, вот доказательства! Убивайте многобожников, где бы ни встретили вы их, изгоняйте их из тех мест, откуда они вас изгнали, ибо многобожие хуже, чем смерть!

Услышав эту фразу, многие отшатнулись, отец Азры, наоборот, сделал шаг вперед, попытался заслонить жену и дочь, решил, наверное, что их попытаются расстрелять на месте.

– Строеение же это используется для наведения вражеских самолетов, – продолжил Наджиб, и на лице его появилась улыбка, ядовитая, как растущий в горах черный цветок

«радость шайтана». – Поэтому мы уничтожим его! Лишим врага хорошего ориентира! Отведем угрозу, во имя Всевышнего! Вперед!

Бойцы «Детей Аллаха» побежали к церкви, одни держали факелы, другие канистры.

– Нет! – Отец Григорий попытался заступиться одному из них, совсем молодому, едва на год старше Самира, раскинул руки, но получил удар в бок и отступил. – Нет... Полиция...

– С ними я договорился, ведь любит Аллах богобоязненных, – сказал Наджиб издевательски.

Одни чужаки врывались в храм, оттуда доносились грохот и треск. Другие снаружи плескали на стены из канистр. Там и сям занимались огни, бежали по камню бледно-синие сполохи, набирали яркость, превращались в оранжевые, а стоящие вокруг люди только смотрели и, казалось, не дышали.

Плакавшие женщины смолкли, даже дети затихли, похоже, что никто не мог поверить, что происходящее у них на глазах – не сон.

Отец Григорий стоял, прижав руки к лицу, и в глазах его отражалось пламя.

Издали донеслась сирена, звук ее стал ближе, а затем внезапно оборвался. Наверняка бойцы «Детей Аллаха» остановили пожарную машину и под угрозой оружия заставили ее развернуться, не пустили в Крепостной квартал.

– Что смотрите? – поинтересовался Наджиб, оглядывая безмолвную, покорную толпу. – Нравится? Все, что идет на пользу родине, должно тешить сердца маширикийцев.

Он выдержал паузу, повел автоматом, делая вид, что начнет стрелять, но никто не отреагировал даже на это.

– Ладно, бегите по домам, многобожники, – приказал командир «Детей Аллаха». – Никто ведь не хочет, чтобы они сгорели?

Самир закрыл глаза, чтобы не видеть, как пылает пережившая владычество халифов и турок, нашествия сельджуков и монголов церковь, не видеть жалких, перекошенных от страха за собственную жизнь лиц единоверцев, но заткнуть уши он не мог, и поэтому топот разбегающихся, как тараканы, людей беспрепятственно достиг его слуха.

И в этот момент вернулись чувства, а точнее одно – тяжелого, подсердечного, прижимающего к земле стыда.

Глава 11

До блокпоста на входе в Белый квартал осталось пять метров, когда на Самира накатиł страх. Он попытался напомнить себе: если бы его хотели подстрелить, то сделали бы это давно, пока он шел через площадь, и вообще, если он справился с тем, на что решился сегодня, то бояться ему больше нечего.

Рука поднялась к груди, туда, где всегда висел подаренный отцом крестик, но нащупала лишь майку.

– А ну стой! – окликнули его.

Самир остановился, ему стало холодно, как тогда на кладбище, под изрыгающим жар небом.

Ледяное дуновение он вновь ощутил сегодня, когда пошел туда, где раньше стоял их дом, где погибли мама и сестра и остались только уродливые развалины и дыра в земле. Со дня похорон Самир избегал этого места, но после того, как проворочался две ночи без сна, слушая, как тихо плачут женщины в других «комнатах» старой трапезной, он принял решение.

– Ты кто такой? Чего надо? – спросил автоматчик, выбравшийся из здания блокпоста, жилистый, невысокий, в черной бейсболке задом наперед и вылинявшей рубашке цвета хаки.

– Мир вам, уважаемый, – Самир поклонился. – У меня дела в Белой мечети.

Если хочешь стать сильным, то обратись к тем, кто этой силой владеет, не трать время на тех, кто погружен в умные книги, а сам не в состоянии защитить ни себя, ни близких!

– Да? – обладатель черной бейсболки недоверчиво склонил голову набок, рядом с ним появился второй боец, постарше, с бородой, пухлыми губами и шрамом под глазом.

Самир стоял, глядя на них, и ему было очень страшно. Он знал, что его могут не прогнать, а застрелить прямо здесь, если решат, что он враг или шпион, и что ничего им за это не будет.

Но еще больший страх он чувствовал утром, когда медлил над ямой, которую оставила бомба, кинутая единоверцами с Запада, и держал снятый с шеи кипарисовый крестик.

Одно движение – и он больше не христианин.

Брось крохотный предмет на шнурке, и ты станешь чужим для людей, среди которых вырос, которые помогали тебе, учили тебя и оберегали тебя... все так просто. Откажись от веры отца и матери... ради того, чтобы отомстить за отца с матерью, почувствовать себя любящим сыном, настоящим мужчиной.

Самир понимал, что это выглядит предательством.

– В мечети? – Тот, что со шрамом, улыбнулся. – Что ты там забыл, расскажи нам? Сокровища халифа Харуна аль-Рашида?

Легенду о том, что в одной из старых мечетей города спрятан клад, Самир слышал.

– Ну, нет... – сказал он.

Рассказывать этим двоим о цели визита глупо – они, скорее всего, посмеются.

– Тогда что? – дуло автомата оказалось нацелено на Самира, тот, что со шрамом, подошел ближе, стал ощутим запах жареной требухи. – А ну, подними руки! Быстро!

Самир исполнил приказ, закрыл глаза, ему вспомнился момент, когда он все же собрался с духом, и выкинул крест, швырнул его в темную холодную яму, словно вместе с ним избавляясь от болезненных воспоминаний о тех, кого больше нет и не будет никогда, от боли и горя.

В тот момент страх ушел, на смену ему явилась стальная, твердая решимость.

Сейчас же он подумал, что согрешил, и может быть наказан на месте – его пристрелят, и привяжут тело к столбу для казненных, а на грудь повесят табличку с надписью «Предатель».

Его хлопнули по карманам джинсов, чужие руки поползли ниже, проверяя, не спрятано ли чего-нибудь в брючинах. Что-то холодное коснулось пупка, и двинулось вверх – автоматчик подцепил майку стволom и поднял ее.

– Хм, креста нет, – сказал он удивленно.

– Может быть, спустим с него штаны, убедимся, обрезан ли он? – предложил тот, что со шрамом.

Самир вздрогнул, представив такое унижение... и то, что за ним последует.

– Велик Аллах над нами! – воскликнул первый из бойцов. – Ты с ума сошел? Шевели конечностями, пацан!

Самир вздохнул, ощущая, как судорога отпускает его грудь, заторопился вперед. Если надо, то он пройдет через что угодно, победит кого нужно и отомстит, кому необходимо – так он решил сегодня утром, и от решения не отступит, даже если небо обрушится на землю.

Блокпост остался позади, потянулись улицы Белого квартала, что мало отличался от Рыночного, и даже от Крепостного – те же дома из камня и глины, магазинчики и мастерские, мужчины за кальяном в чайхане, разложенные на столе нарды, лотки с безделушками и обувью, тележки бродячих торговцев, тутовые деревья на перекрестках, кошки на заборах, запахи чеснока и табака.

Разве что женщины носили хиджабы, да всюду – изречения из Корана на вывесках, некоторые наверняка изготовил тот же Валид-хаджи: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!» или «Хвала Аллаху – Господу обитателей миров!».

Самир никогда не бывал здесь, но он шел, ориентируясь на два минарета Белой мечети – они возносились над остальными зданиями как два столба ослепительно-белого пламени, острия башен таяли в прозрачно-голубом небе.

Свернул не там, оказался в тупике, но потом нашел верную дорогу.

Разминулся с патрулем из троих вооруженных «Детей Аллаха», и оказался у одного из входов во двор мечети. И тут вынужден был отступить, давая дорогу погребальной процессии – покойник лежал на носилках без положенного савана и белых лент, серело молодое лицо, борода, пятна крови на одежде, за ним шли воюющие женщины в черных одеждах, мрачные мужчины.

Понятно, шахид, один из тех, кто погиб в бою – такого предадут земле прямо так, не смывая крови мученичества.

Женщины остановились, забормотали молитву, мужчины потащили носилки дальше – в сторону кайсанитского кладбища. Оно, как знал Самир, находилось на границе с Черным кварталом.

Он подождал еще немного, а затем с трепещущим сердцем вступил во двор мечети.

Здесь имам был очень высок и сутул, голову его венчал зеленый тюбан, а на запястье на цепочке висела рука Фатимы – крошечная женская ладошка из серебра. Слушал он Самира, покусывая нижнюю губу, и выглядел не подозрительным, а равнодушным.

Вчера Самир целый день провел в табачной лавке у Рахима, и исподволь расспрашивал того, какие нравы царят у кайсанитов, у «Детей Аллаха», и о том, как там относятся к новообращенным. Горбатый торговец рассказал, наверное, все, что знал, упомянул, что бойцы моджахедам, верящим в четырех имамов, нужны постоянно, и что они рекрутируют молодежь не только в своем квартале.

– Клянусь я местом заката звезд, – пробормотал имам, когда Самир замолчал. – Готов ли ты произнести шахаду? Знаешь ли ты, какие обязанности будут наложены на тебя после этого – пятикратная молитва, закят, пост в должный срок, паломничество?

Неужели все так просто?

Тревога и неуверенность исчезли, сменились радостью, но та выглядела какой-то поверхностной, неестественной, словно он убедил себя в том, что испытывает ее, а не испытал на самом деле.

– Да, – сказал Самир. – Но я не один... У меня есть брат...

На самом деле он Ильяса еще не уговорил, даже не сказал ему о собственных планах, но они ведь семья, и младший всегда должен следовать за старшим, и он не сможет отказаться!

– Он тоже готов принять Закон?

– Э... да... – и Самир истово закивал: он говорит правду, так и есть, так и есть. – Конечно, а как же...

– Ты знаешь кого-нибудь из правоверных? – поинтересовался имам, подняв бровь. – Не то, чтобы это обязательно, но может быть, мне понадобится расспросить этого человека, узнать больше о тебе и твоём брате.

«Вот тебе раз», – подумал Самир.

– Да, знаю... – сказал он, чувствуя, как холодок расползается по внутренностям. – Наджиба...

Во второй раз соврать оказалось легче, чем в первый, хотя эта ложь выглядела более опасной: если сутулый в тюрбане вправду отправится к командиру «Детей Аллаха» и спросит о братьях Абд-аль-Малак, то быстро выяснится, что все знакомство – две встречи на улице.

– Клянусь местом заката звезд, – имам нахмурился, погладил себя по подбородку. – Этого достаточно. Когда вы с братом будете готовы, то приходите прямо сюда, ко мне...

– Да, уважаемый, да, – и Самир поклонился, на этот раз испытывая искреннюю, настоящую, неподдельную радость.

Глава 12

Ильяс смотрел на брата, вытаращив глаза так, словно видел его первый раз в жизни, и будто вовсе не моргал. Они сидели в тени ограды, в дальнем конце кладбища, где никто не мог им помешать, и Самир рассказывал, что именно он узнал и сделал вчера.

Речь его лилась гладко, внутри пузырилось ликование – он, добился, сделал!

– Но ведь они сожгли церковь! – воскликнул Ильяс, когда Самир наконец замолчал.

– Да, но они нам не враги, – отозвался тот. – Разве они убили маму и сестренку?

Насчет отца у него имелись подозрения, но о них Самир решил промолчать – нечего говорить, если сам не уверен.

– Ну, я же... – Ильяс смутился, на это он не знал, что возразить. – Но что тогда? Если мы поступим, как ты хочешь, то нам придется отсюда уйти? Где мы будем жить? Что есть?

– Там поддерживают своих еще лучше, чем у нас. Нам дадут оружие, представь! Нас научат не бояться! – воскликнул Самир, и в этот момент он верил каждому слову. – Тебе не надоело трястись от страха?

Как вообще можно сомневаться, если с одной стороны – покорные, жалкие люди, боящиеся даже поднять голову, способные лишь молиться и ныть, а с другой – отважные и умелые бойцы, готовые схватиться с кем угодно, которых уважают все, даже те, кто не одной с ними веры?

Стоило только вспомнить похороны или то, что он видел, когда их вытащили из-под развалин, – два покрытых тканью тела, ноги в носках с покемонами – как руки сами сжимались в кулаки, сердце наполнялось ненавистью, корежило от желания стиснуть горло того, кто это совершил!

– Ну я же... Оно само... – забормотал Ильяс.

– Само? Вот, смотри! – и Самир задрал майку, показывая, что на нем нет креста.

Ильяс отшатнулся, оттопыренные уши его порозовели, челюсть на самом деле отвисла, глаза стали размером с апельсины.

– Нет!! Как?! – закричал он. – Брат?!

– Да, я сделал это, – проговорил Самир с показной гордостью, хотя ощущал в этот момент скорее неуверенность: может быть, он погорячился, может оно не стоило того. – Что в нем толку, если он помешает нам с тобой отомстить? Ведь ты со мной, ты мне брат?

– Нет, нет, я не могу пойти на такое! Упаси Господь! – Ильяс вскочил, будто вовсе собрался убежать. – Его же папа с мамой на меня повесили! Это же!.. Он же настоящий! Неужели ты не понимаешь?!

– То есть ты бросишь меня?

– Это ты бросаешь меня! Всех нас! Память о родителях! Я тебя... я тебя ударю! – Он плакал, уже не стесняясь, подпрыгивал на месте, маленький, тощий, с длинными руками, но зрелище это не смешило Самира, не удивляло, оно вызывало у него боль.

Подсердечную, тянущую, словно от воткнутого под ребра ножа.

– Вот тебе раз, – сказал он, опуская майку. – Ну что же, я думал, мы всегда...

– Это ты захотел бросить всех! Ты поругался с отцом Григорием! Зачем?! Зачем?! Вернись, брат! – Ильяс и в самом деле замахнулся, точно для удара, но в следующий момент опустил руку. – Я тебя прошу-у... Не уходи-и... Нет! Нет! Что ты делаешь? Пожа-алуйста!

Самир встал, отряхнул штаны.

– Пойдем, – сказал он. – Скоро стемнеет.

Ильяс всхлипнул еще несколько раз, сгорбился и пошел за старшим братом. Проходя мимо могилы родителей и сестры, он перекрестился, бросил на Самира полный надежды взгляд.

Кладбище осталось за спиной, показался остов горелой церкви.

Едва пожар закончился, отец Григорий объявил, что все равно будет служить внутри, что они должны отремонтировать здание, собрать для этого деньги, продать все, если нужно... На недовольный ропот он не обратил внимания, и тут же, не дожидаясь утра, полез в дымящиеся руины – спасать иконы и богослужебную утварь.

С тех пор каждый день он без сна и отдыха возился на пожарище, стараясь придать тому, что осталось, видимость храма.

– Обойдем, – сказал Самир, которому не хотелось встречаться со священником.

Они свернули в переулок и наткнулись на Умм-Насиб, что спешила навстречу с сумкой в руке.

– Вот вы где! Святой Иоанн Милостивец! – воскликнула она. – А я вас ищу! Заходила в трапезную, там сказали, что вы ушли...

Самир вздохнул – наверняка его опять будут уговаривать покаяться перед священником, извиниться и принять наказание, честно поработать во благо общины на том же пожарище. И так все уши прожужжали, и Азра, и остальные, и даже родной брат!

– Великая радость, Господь услышал наши молитвы! – Умм-Насиб перекрестилась. – Есть возможность всем нам уехать в Европу, к единоверцам, туда, где нет войны, где никто не сжигает храмы! Она и раньше была, вот только отец Григорий все возражал! Теперь только сдался! Сначала автобусами до Ливана, а там самолетами, прочь отсюда!

Самир ощутил, что его ударили под ложечку.

Уехать, бросить родину, ту землю, где их предки жили тысячелетиями, проливая пот и кровь? Оказаться на чужбине, где ты никому не нужен, где все иное, незнакомое, где ты человек второго сорта?

«А здесь что, первого?» – спросил голос внутри головы.

«Но здесь у меня есть цель! – возразил Самир сам себе. – Здесь я могу отомстить! Поехав туда, я отдамся в руки людям, которые посылают на мою страну самолеты! Кидают бомбы!».

Умм-Насиб говорила что-то еще, всплескивая руками, но он не слушал.

Бросил взгляд на брата, убедился, что тот слушает с развешенными ушами, губы уточкой, а глаза горят от восторга – как же, вожденная Европа, где сколько хочешь сладостей и газировки, где можно достать комиксы какие хочешь, а не жалкие обрывки, как в Машрике, и телевизор в каждом доме, и сто программ с мультфильмами, и кино есть, а ведь они там никогда не были!

Отчаяние обварило внутренности, вольготно расположилось в сердце, просунуло толстую лапу в горло.

«Ну что же, придется делать все в одиночку», – подумал Самир.

И такая горечь заполнила его рот, словно он наелся острого зеленого перца.

Глава 13

Из Кошачьего переулка люди уехали всего три года назад, но выглядел он так, словно дома простояли покинутыми сто лет.

Самир оглядел вывеску над дверью, на которой ржавчина доедала остатки краски, и шагнул внутрь. Дверь закрылась за ним с тихим стуком, вспыхнул фонарик, купленный сегодня в Рыночном квартале, луч его уперся в облачко пыли.

Поперек тянулся широкий, обитый жостью прилавок, сбоку, у окна на нем покоился огромный котел. Стену за прилавком украшали многочисленные полки, где некогда громоздились бутылки с оливковым маслом, куски мыла, ведерки с крупами, штабеля из консервных банок.

Самир хорошо помнил «Бакалейную лавку Шуши», где можно было купить все, что угодно, от уксуса и соли до ратля⁷ -другого настоящего хорошего кофе из Африки, за которым они с отцом сюда и заходили. Но ему казалось, что это совсем другое помещение, тут никогда не стояли мешки с рисом и чечевицей, в том ящике не лежали бутылки лимонада, закопанные в лед, и здесь всегда царил запустение, властвовали пауки и крысы.

Он обогнул прилавок, убедился, что люк в полу находится там же, где всегда. Подцепил железное кольцо, и потянул так, что захрустело в спине, но ничего не добился, только ободрал кожу на пальце.

В детстве маленькому Самиру казалось, что там, под люком прячутся чудеса: кувшины с джиннами, сундуки с сокровищами – иначе как без того и другого Шуша ухитряется держать в лавке столько разных предметов?

Но Шуша уехал и забрал чудеса с собой, оставив пыль и пустоту.

Такая же затхлая пустота царила и у Самира внутри, она поселилась там после очередного разговора с братом.

Тот, размахивая руками, заявил, что отправится с другими в Европу, что ему вовсе не хочется оставаться там, где нет ничего, кроме могил, развалин и постоянной опасности. Самир тогда с презрением ответил: «Хорошо, как знаешь, только я надеюсь, что ты не предашь родного брата», и ушел, не слушая оправданий.

Ушел готовить убежище, в котором он тихо отсидится, пока остальные не уберутся.

За пределы Крепостного квартала так просто не выйдешь, всюду после нападения поставили дозоры из мужчин, раздали оружие, какое только нашлось в домах, по окраинам пустили патрули. Да и если он ухитрится это сделать, место так легко не найдет, ведь и улицы знает хуже, и пока не нужен там никому, везде его воспримут как чужака и отнесутся враждебно.

Но это именно что пока...

Со второго раза Самир с люком справился, из черного квадратного отверстия пахло влагой и гнилыми овощами. Луч фонаря скользнул по ступеням лестницы, по неровному полу, зацепил полуразвалившуюся корзину.

⁷ Ратль – около 450 гр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.